

ОЧЕРКЪ СРЕДНЕВѢКОВОЙ НѢМЕЦКОЙ ЭПИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ.

I. Эпическая пѣсня.

Нѣмецкая эпическая пѣсня теряется своимъ началомъ въ отдаленной древности. Подобно тому какъ въ славянскихъ языкахъ *пѣть* и *сказывать* когда-то имѣло одно и то же значеніе, ¹⁾ такъ и въ германскихъ—понятія *singen* и *sagen* до такой степени тѣсно были связаны, что въ настоящее еще время существуетъ сопоставленіе ихъ въ пословицѣ. Понятія эти разъединились лишь постепенно и довольно поздно. Въ IX ст. въ Саксонской пѣснѣ, Геліандъ (Heljand 7, 17) говорится про Захарію, что онъ получилъ возможность говорить, думать и *пѣть*; въ другомъ мѣстѣ сообщается про Евангелистовъ, что они писали, *пѣли* и *говорили* (1, 23). Даже мысли приписывается возможность *слова* и *пѣсни* (9, 5 *ibid.*). У Отфрида, въ его Евангельской книгѣ (около 870 г.) встрѣчается выраженіе (5, 23. 19, 22), „что либо сказать въ своемъ *пѣніи*“. До XII ст. *пѣнію* не противопоставляется *сказываніе*: историки по большей части упоминаютъ лишь о пѣніи, при чемъ имѣется въ виду не только пѣсня лирическая, но также и пѣсня эпическая ²⁾.

¹⁾ Яничъ, Gradja za historyju... въ „Rad jugs. Ak. Z. i U.“. XXXVII. 1876. Славянск. Ежегодникъ Задерацкаго 1878: „О славянск. народной поэзи, стр. 179—193. Отдѣльное изд. того же года.

²⁾ *Lachmann*, Kleinere Schriften, Berlin 1876: Ueber Singen und Sagen, 461—480.

Эпическая пѣсня въ собственномъ смыслѣ захватываетъ область историческихъ сказаній: въ ней собираются историческія воспоминанія народа, группируясь возлѣ выдающихся предводителей, привязываясь къ личности излюбленныхъ героевъ. Въ этомъ смыслѣ эпическая пѣсня лежитъ за предѣлами исторіи, какъ вообще всѣ основы культурной жизни: языкъ, семья, государство, религія.

Эпическая пѣснь — это исторія народа, изложенная его собственной коллективной мыслью, окрашенная его собственной фантазіей; это хроника прошлыхъ событій, облеченныхъ въ поэтическія формы самаго народа. Хранителями преданій, передававшихся въ формѣ пѣсни, были люди, одаренные счастливою памятью и обладавшіе большою житейскою опытностью; они доносили ихъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, пополняя пѣсни событіями своего времени. Изъ такихъ лицъ со временемъ формируется отдѣльный классъ пѣвцовъ, когда разросшійся матеріалъ требуетъ особенныхъ усилій для своего усвоенія.

Историческія свидѣтельства о существованіи эпической пѣсни у германцевъ начинаются довольно рано: около 116 года Тацитъ даетъ первое свидѣтельство о такой пѣснѣ. Пѣвцовъ онъ еще не знаетъ, но говоритъ о пѣсняхъ, замѣняющихъ для германцевъ исторію: *Carmina antiqua, quod unum apud illos memoriae et annalium genus est* (Germ. 2); *celebrant — originem gentis conditoresque*. Въ другомъ мѣстѣ Тацитъ даетъ болѣе подробное указаніе на содержаніе эпическихъ пѣсней того времени, послужившее для нѣмецкихъ ученыхъ точкой отправленія для построенія цѣлой теоріи возникновенія національнаго эпоса. Въ *Анналахъ* онъ говоритъ объ Арминіи: *Septem et triginta annos vitae, duodecim potentiae explevit, cantiturque adhuc barbaras apud gentes* (2, 88). На основаніи этого мѣста Гизебрехтъ въ своемъ изслѣдованіи ¹⁾ о происхожденіи сказаній о Зигфридѣ, главномъ героѣ первой половины пѣсни о Нибелунгахъ, очень талантливо доказываетъ, что судьба Арминія послужила зародышемъ, изъ ко-

¹⁾ А. Giesebrecht, Ueber den Ursprung der Siegfriedssage въ Germania II, 203—233, 1837.

тораго со временемъ развилось могучее дерево національнаго эпоса, найдя пищу въ послѣдующихъ событіяхъ.

Положеніе историка германской народной словесности счастливѣе, чѣмъ историка, изучающаго устную поэзію и неразрывно связанный съ нею бытъ славянскихъ племенъ. У славянъ не было своего Тацита, письменность началась позднѣе, записано было гораздо меньше, чѣмъ у германцевъ. Отсутствіе благотворнаго вліянія развитыхъ литературъ не подняло чисто народной эпической славянской пѣсни до высоты развитаго, искусственнаго эпоса, какимъ обладаютъ древніе и новыегреки, народы Скандинавіи, германцы, французы и англо-саксы. Русская эпическая пѣсня ушла въ лѣса, притаилась въ болотахъ далекаго сѣвера, одичала и потеряла ту высокую прелесть, какою мы наслаждаемся въ Словѣ о полку Игоревѣ. Между тѣмъ ни одинъ народъ въ мірѣ не обладалъ и не обладаетъ такой богатой творческой фантазіей, такой неистощимой потребностью пѣсни и поэзіи, какъ племена славянскія. На ряду съ огрубѣвшей русской эпической пѣснью можно поставить разбитыя, разрозненныя пѣсни сербовъ и болгаръ, остановившихъ свое творчество именно въ тотъ моментъ, когда оно должно было создать великую національную эпопею въ родѣ пѣсни о Нибелунгахъ, или пѣсни о Роландѣ. Что славянскія племена способны были на подобнаго рода духовные подвиги, кажется, не можетъ быть сомнѣнія: Слово о Полку Игоревѣ и спорныя, но не опровергнутыя эпическія поэмы чеховъ могутъ служить убѣдительными доводами.

Слѣды существованія у германскихъ племенъ эпической народной пѣсни собраны главнымъ образомъ тремя учеными: Дикомъ ¹⁾, Мюлленгофомъ ²⁾ и Вагкернагелемъ ³⁾. Мы приведемъ лишь важнѣйшія изъ такихъ свидѣтельствъ, подтверждающихъ

¹⁾ *Diez, Antiquissima German. poeseos vestigia, Bonn 1831.*

²⁾ *K. Müllenhoff, De antiquissima Germanorum poesi chorica, Kiel 1847.*

³⁾ *W. Wackernagel, Familienrecht u. Familienleben der Germanen. Klein. Schrift. I. Leipzig 1872.*

давность существованія эпической пѣсни среди германскаго племени.

Таеъ Мюлленгофъ ¹⁾ и В. Шереръ ²⁾ указываютъ между прочими свидѣтельствами о готской эпической пѣснѣ на слѣдующее мѣсто изъ книги византійскаго посланника при дворѣ Аттилы, Приска ³⁾: „(послѣ пира), когда свѣчерѣло, были зажжены факелы и два скиоа, выступивъ предъ Аттилой, сказывали пѣсни, составленныя ими, въ которыхъ они воспѣвали его побѣды и военныя доблести. Пирующие устремили на пѣвцовъ пристальныя взгляды; одни наслаждались пѣніемъ, другіе переносились мыслью въ битвамъ, а иные, удрученные старостью и чувствовавшіе уже потребность въ отдыхѣ, плавали. Послѣ пѣсенъ вышелъ какой-то скиоскій шутъ и заставилъ всѣхъ смѣяться, высказывая глупости и странности, не имѣющія смысла“. Въ другомъ мѣстѣ Аттилу встрѣчаютъ пѣснями скиоскія дѣвушки (188 *ibid.*). Оба эти упоминанія о народной пѣснѣ мнѣ кажется позволительнымъ отнести къ славянской пѣснѣ. Если бы авторъ имѣлъ въ виду готскую поэзію, то ему не зачѣмъ было бы именно въ этомъ мѣстѣ на ряду съ извѣстнымъ ему терминомъ „*Готы*“ употреблять другое этнографическое названіе для пѣвцовъ, именно „*Скиоа*“. О славянской же народной поэзіи, а не германской повѣствуетъ Йорнандъ ⁴⁾ въ томъ мѣстѣ, гдѣ послѣ описанія смерти Аттилы

¹⁾ *Müllenhoff*, *Zur Geschichte der Nibelunge Not*, Braunschweig. 1855. 11.

²⁾ *Scherer*, *Geschichte d. Deutschen Litteratur*. Berlin. 1884. 27.

³⁾ *Priscus*, стр. 205, 11. Bonnæ. 1829. Ἐπιγενομένης δὲ ἑσπέρας δᾶδες ἀνιφθισαν, δύο δὲ ἀντικρὺ τοῦ Ἀττίλα παρελθόντες βάρβαροι (Seythæ) ᾄσματα πεποιημένα ἔλεγον, νίκας αὐτοῦ καὶ τὰς κατὰ πόλεμον ᾄδοντες ἀριτάς ἐς οὓς οἱ τῆς εὐωχίας ἀπέβλεπον, καὶ οἱ μὲν ᾔδοντο τοῖς ποιήμασι, οἱ δὲ τῶν πολέμων ἀναμνησκόμενοι διηγείροντο τοῖς φρονήμασιν, ἄλλοι δὲ ἐχώρουν ἐς δάκρυα, ὧν ὑπὸ τοῦ χρόνου ἡτθένει τὸ σῶμα καὶ ἡσυχάζειν ὁ θυμὸς ἠναγκάζεται; μετὰ δὲ τὰ ᾄσματα Σκύθης τις παρελθὼν φρένοβλαβής, ἀλλόκοτα καὶ παράσημα καὶ οὐδέν ὕγιές φθεγγόμενος, ἐς γέλωτα πάντας παρασκεύασε παρελθεῖν.

⁴⁾ *Jordanis de Getarum sive Gethorum origine et rebus gestis*, II. 1861.

говорится: nam de tota gente Hunnorum lectissimi equites in eo loco, quo erat positus, in modum circensium cursibus ambiantes, facta ejus cantu funero tali ordine referebant (с. XLIX) и затѣмъ нѣсколько далѣе: postquam talibus lamentis est defletus, *stravam* super tumultum ejus, quam appellant ipsi, ingenti comessatione concelebrant (ibid.). Очевидно здѣсь описывается обрядъ славянской тризны, а слово „*strava*“, хотя нѣмецкіе ученые ¹⁾ хотятъ видѣть въ немъ готское выраженіе, несомнѣнно принадлежитъ славянамъ ²⁾).

Старыя эпическія пѣсни сопровождались военной пляской: у готовъ это понятіе выражается словомъ „*plinsjan*“, несомнѣнно заимствованнымъ изъ славянскаго языка; слѣдовательно въ то время вліяніе славянской пляски и соединенной съ ней пѣсни было уже велико. Если имѣть еще въ виду, что добрую половину этнографической группы, получившей названіе гунны, составляли славянскія племена, то окажется очень возможнымъ видѣть въ свѣдахъ, пѣвшихъ предъ Атилой, только славянъ.

Но у тѣхъ же самыхъ писателей встрѣчаемъ положительныя данныя не только о существованіи эпическихъ пѣсенъ у готовъ, но также отчасти указаніе и на ихъ содержаніе. Такъ *Iornandz* (г. V) говоритъ: ante quos (готовъ) etiam cantu majorum facta modulationibus citharisque canebant: Eterpamara, Amalae, Fridigerni, Vidi-goiae et aliorum, quorum in hac gente magna opinio est, quales vix heroas fuisse mirando iactat antiquitas. О готскихъ историческихъ пѣсняхъ говоритъ также *Кассіодоръ*: Gensemundus, toto orbe cantabilis и въ видѣ объясненія прибавляетъ: quamdiu nomen Gothorum superest, fertur ejus cunctorum attestazione proeconium. Восхваляя королеву Амаласунеу, онъ говоритъ, что она соединила въ себѣ достоинства всѣхъ своихъ предковъ, которыхъ онъ и перечисляетъ, начиная отъ родоначальника племени *Амала* и приводитъ каждаго представителя прошлыхъ поколѣній съ его особыми доблестями. Это мѣсто *Кассіодора* можетъ служить доказатель-

¹⁾ O. Schade, Altddeutsches Wörterbuch. 2 Aufl. 1873 — 82.

²⁾ Fr. Miklosich, Lexicon Pal.-slov.-grec.-lat. 1862—65.

ствомъ, что важнѣйшія событія исторіи готовъ были извѣстны всему народу и передавались въ пѣсняхъ. Исторія готовъ Іорнанда также въ значительной мѣрѣ построена на устныхъ поэтическихъ преданіяхъ самого народа, на матеріалахъ готскаго эпоса. Онъ писалъ свою книгу въ 551 году и самъ будучи родомъ готъ, зналъ сказанія и пѣсни своего народа и между ними тѣ старыя преданія, которыя повѣствовали о событіяхъ и прежнихъ странствованіяхъ готскаго племени.

Болѣе даровитый писатель, чѣмъ Іорнандъ, происходившій изъ племени лангобардовъ, жилъ при дворѣ Карла Великаго съ 774 года,—это *Павелъ Діаконъ* (ум. 799). Книга его „*de Gestis Langobardorum libri sex*” чрезвычайно интересна: она часто почерпаетъ свое содержаніе изъ народнаго эпоса. Начинается она съ упоминанія имени *Водана*, а потомъ во всемъ своемъ развитіи даетъ чувствовать присутствіе народныхъ пѣсень. О существованіи историческихъ пѣсень въ честь *Альбоина* авторъ говоритъ: *Alboin vero ita praeclarum longe lateque nomen percerebuit, ut hactenus etiam tam apud Baiuvariorum gentem quam et Saxonum, sed et alios ejusdem linguae homines ejus liberalitas et gloria bellorumque felicitas et virtus in eorum carminibus celebretur*. Пѣсни эти были, слѣдовательно, уже въ VI ст., такъ какъ Альбоинъ умеръ въ 563 году. У Мюлленгофа приведена пѣснь изъ времени Павла Діакона, въ которой восхваляется прекрасное сердце Альбоина. Кромѣ того извѣстно, что изъ племени лангобардовъ являлись и другіе пѣвцы ко двору Карла Великаго (Mon. Germ. 7,106).

Датская хроника *Саксона Грамматика*, писанная въ 1150 г. особенно убѣдительно свидѣтельствуетъ о существованіи еще въ то время чисто народныхъ эпическихъ преданій. Франская хроника *Гунибалда* передаетъ исторію своего народа, почерпая свѣдѣнія изъ старыхъ поэтическихъ преданій ¹⁾.

Можно было бы привести еще множество другихъ указаній на чисто народное происхожденіе эпическо-исторической пѣсни

¹⁾ *Müllenhoff, Zeitschr. f. d. Alt.* II, 275.

и на древность ея проявленія среди германцевъ, но мы ограничимся лишь краткимъ указаніемъ на свидѣтельства историковъ. Кромѣ выше приведенныхъ свидѣтельствъ объ этомъ говорятъ еще: *Прокопій* (de bello Vand. 2,6), *Аммианъ Марцеллинъ* (31,7), *Аполлинарій Сидоній* (Ер. 1,2; Сарт. 12; Опусс. 5,5), *Венантій Фортунатъ* (1 р. 2 edd 7,8). На основаніи этихъ данныхъ можно вывести твердое заключеніе, что при княжескихъ дворахъ готовъ, бургундовъ, франковъ, аламанновъ, баварцевъ, и вообще въ высшихъ кругахъ общества, куда имѣли доступъ представители высшаго духовенства, какъ епископы Сидоній и Венантій, было въ обычаѣ послѣ обѣда во время выпивки слушать пѣсни съ акомпаниментомъ музыки ¹⁾.

2. Носители эпической пѣсни—пѣвцы. Пѣніе и сказываніе.

Существованіе въ древности эпической пѣсни неизбежно предполагаетъ наличность въ обществѣ людей, способныхъ создавать поэтическія произведенія, назначенныя для пѣнія. И дѣйствительно, послѣ дѣлаго ряда научныхъ изслѣдованій ²⁾ оказывается, что у всѣхъ народовъ въ извѣстную пору ихъ литературнаго развитія изъ массы народной выдѣлялись личности, дѣлавшіяся спеціальными носителями поэзіи, собственно пѣсни, радующей человѣческое сердце, служащей украшеніемъ пировъ (Одиссея I, 152, XXI, 430), разгоняющей грусть и ча-

¹⁾ *A. Holtzmann*, Untersuchungen über das Nibelungenlied, 1854. стр. 167.

²⁾ Изслѣдованію о классическихъ и средневѣковыхъ эпическихъ пѣвцахъ посвящены слѣдующія работы: *Arthur Köhler*, Ueber den Stand berufsmässiger Sänger im nationalen Epos germanischer Völker въ Germania, 1870; *Arbois de Jubainville*, Introduction à l'étude de la littérature celtique, Paris, 1883; *А. Н. Веселовскій*, Разысканія въ области рус. духовнаго стиха. Гл. VII, 2. СПб. 1883. Приложение къ 45-му т. Записокъ Ак. Наукъ. Здѣсь указана обширная литература предмета и собрано очень много интересныхъ данныхъ о святочныхъ маскахъ и скоморохахъ. Этимъ послѣднимъ посвящена книга *А. Фаминцына*, Скоморохи на Руси. СПб. 1889.

рующей (Од. I, 337). Поэтому поэтическое искусство и называлось *frohe Kunst* или *gai saber* трубадуровъ, а пѣсня *Freude* и *Wonne*. Даръ пѣснопѣнія дается людямъ свыше и сами боги являются хранителями этого божественнаго искусства: Зевесъ и Аполлонъ у грековъ, Воданъ и Браги у древнихъ германцевъ ¹⁾. Пѣсня, ниспосланная богами избраннымъ людямъ, обладаетъ необычайной силой. Такъ подъ звуки пѣнія Амфіона камни двигались сами собой и укладывались въ стѣны, Орфей своимъ пѣніемъ привлекалъ скалы и деревья и укрощалъ дикихъ звѣрей. Подобную же сверхъестественную силу приписываетъ пѣснѣ также и эпосъ финскій ²⁾. Когда запѣлъ старый Вейнемейненъ могучую пѣснь, то моря, рѣки и озера заволновались, горы дрогнули, а скалы на берегахъ стали трескаться, а когда заигралъ онъ и запѣлъ старую руну, то ни одно живое существо не могло удержаться, чтобы не спѣшить послушать чудесную пѣснь. Перепрыгивая съ дерева на дерево, бѣлки спѣшили къ мѣсту, откуда раздавалась пѣсня; горностан, лоси и рыси бѣжали туда же; проснулся въ болотѣ волкъ, поднялся съ песчанаго бора медвѣдь и вскарабкался на самую верхушку ели, чтобы не пропустить ни одного звука изъ этой чудной пѣсни. Быстро разсѣвая воздухъ крыльями летѣли со всѣхъ сторонъ птицы. Услышалъ эти звуки орелъ и полетѣлъ въ ту сторону, оставивъ въ гнѣздѣ своихъ птенцовъ. Точно также въ старой нѣмецкой поэмѣ „Кудрунъ“ разсказывается, что пѣвецъ Горантъ своимъ чуднымъ пѣніемъ привлекалъ къ себѣ здоровыхъ и больныхъ людей, заставлялъ лѣсныхъ звѣрей покидать свои пастбища, очаровывалъ червей въ травѣ и рыбу въ водѣ (*Gudr.* 388, 389), а въ пѣснѣ о Нибелунгахъ герой Фолькеръ дивно играетъ на скрипкѣ, нѣжные звуки несутся по всему дому и усыпляютъ полныхъ заботъ витазей ³⁾.

Одаренные свыше творческой силой, пѣвцы поютъ о томъ, что имъ внушается богами. Такъ въ Одиссее (I, ст. 347) Телемахъ

¹⁾ *I. Grimm*, *Deutsche Mythologie*, 1875⁴, стр. 751.

²⁾ *Гранстремъ*, Калевала. Финскій народный эпосъ. СПб. 1881. стр. 17 и 185.

³⁾ *Fr. Zarnke*, *Das Niebelungenlied*. Lpz. 1875⁴, стр. 280.

говорить Пенелопѣ: „Какъ же ты хочешь пѣвцу запретить въ удовольствіе наше то воспѣвать, что въ его пробуждается сердце? Виновенъ въ томъ не пѣвецъ, а Зевсъ, посылающій свыше людямъ высокого духа по волѣ своей вдохновеніе ¹⁾“. Поэтому понятно, отчего въ древности пѣвцы пользовались большимъ почетомъ и считались людьми высшими, находящимися подъ особымъ покровительствомъ законовъ. Въ *Lex Varinorum* за руку пѣвца музыканта полагается возвышенный размѣръ пени: Qui harpatorem, qui cum circulo harpare posset, in manum percusserit, componat illud quarta parte majori compositione quam alteri ejusdem conditionis homini (5,20). Въ пѣснѣ о Нибелунгахъ Гагенъ, желая наказать шпильмана Вербеля за дурное посольство, отрубаетъ ему правую руку, которую именно и защищаетъ обычное германское право, стремившееся обезпечить пѣвцу-музыканту возможность его благороднаго искусства. Только значительно позднѣе, когда церковь начинаетъ преслѣдовать странствующихъ пѣвцовъ и ихъ искусство, они становятся юридически безправными ²⁾).

Не такъ было въ древности: пѣвцы съ радостью принимались въ княжескихъ дворцахъ и имъ часто давались почетныя порученія. Такъ помянутый выше Видеидъ сопровождаетъ супругу короля Эадгильса къ остготскому королю Эорманрику, въ пѣснѣ о Нибелунгахъ по слани короля Атиллы, просившаго къ себѣ братьевъ Кримгильды, овазываются шпильманы Вербель и Свеммель.

Пѣвецъ и въ то же время поэтъ живетъ въ обществѣ князей и ихъ дружины, самъ часто принадлежитъ къ героямъ и бойцамъ, а съ другой стороны сами князья и знатные люди пробуютъ свои силы въ поэтическомъ искусствѣ: но они творятъ на родномъ языкѣ, не выходя изъ подъ вліянія чисто народнаго творчества.

Такие пѣвцы назывались по англо-саксонски *Scop*, древневерхненѣмцки *scuof* и *scôf*, провансальски *troubaire*, сѣверно-франц. *trouvère*.

¹⁾ А. Н. Веселовскій, Изъ исторіи романа и повѣсти. СПб. 1886, I, стр. 8.

²⁾ А. Н. Веселовскій, Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха. СПб, 1879, стр. 153.

О существованіи въ Германіи особаго класса пѣвцовъ свѣдѣній не встрѣчается. Лишь на скандинавскомъ сѣверѣ тулы и *скальды*, да у кельтовъ філы и барды образовали заменутый кругъ пѣвцовъ по призванію и народныхъ поэтовъ по образованію: они сохраняли и развивали народныя преданія и пѣсни.

Но и среди германскихъ народовъ рано появляются странствующие пѣвцы, первымъ изъ которыхъ по времени называется *Видеидъ* т. е. многостранствующій. Объ немъ сохранилась небольшая англо-саксонская поэма, которую *Мюлленгофъ* ¹⁾ считаетъ древнѣйшимъ англо-саксонскимъ памятникомъ и относитъ ее къ VII столѣтію. Много земель исходилъ Видеидъ, много подарковъ получилъ онъ отъ разныхъ князей за свое пѣніе и всюду былъ желаннымъ гостемъ.

Въ англо-саксонскомъ эпосѣ, Беовульфѣ, находимъ пѣвца по призванію: онъ живетъ при дворѣ князя, знаетъ множество историческихъ пѣсенъ и поетъ о битвѣ при Финнсбургѣ и о славныхъ дѣлахъ Вельсинга Сигемунда. Съ VIII ст. встрѣчаются упоминанія о слѣпцахъ, пѣвшихъ народныя пѣсни подобно греческимъ рапсодамъ Демодоку и Гомеру, кельтскому Оссіану, сербскимъ пѣвцамъ и русскимъ валикамъ-перехожимъ. Среди скальдовъ были тоже слѣпые пѣвцы. Въ жизнеописаніи Ліутгера ²⁾ говорится о слѣпомъ пѣвцѣ Фризовѣ, пользовавшемся большимъ вліяніемъ у народа, благодаря своему знанію старыхъ эпическихъ пѣсенъ: *Caecus vocabulo Bernlef, qui a vicinis suis valde diligebatur, eo quod esset affabilis, et antiquorum actus regumque certamina bene noverat psallendo promere*. Подъ словомъ *psallendo* надо разумѣть пѣніе, сопровождаемое звуками арфы.

Пѣсни, заслуживавшія такое вниманіе какъ народа, такъ и князей, были содержанія историческаго и отличались характеромъ эпическимъ. Онѣ въ первое время исключительно пѣлись въ народѣ, а потомъ въ княжеской дружинѣ избранными пѣвцами. Такихъ пѣвцовъ знаетъ нѣмецкій эпосъ: въ Кудрунѣ го-

¹⁾ *Müllenhoff, zur Kritik des Angelsächsischen Epos* въ *Haupt's Zeitschrift* т. XI; *Pio Rajna, Le origini dell'Epopea francese*. Firenze 1884, стр. 39.

²⁾ *Pertz. Mon. Germ. hist.* 2, 412.

ворится о пѣвцѣ *Горандѣ*, въ пѣснѣ о Нибелунгахъ находимъ трехъ шпильмановъ; одинъ изъ нихъ пѣвецъ и герой *Фолькера*, двое другихъ *Свеммель* и *Вербель* исполняютъ обязанности по-словъ. Всѣ они были пѣвцами и часто въ тоже время воинами. Своими пѣснями они славили подвиги своихъ вождей или возбуждали мужество своихъ товарищей. Они импровизировали и пѣли, творя въ народномъ духѣ, отъ котораго не отдѣлилась еще въ то время дружина княжеская.

Средневѣковые писатели называютъ народныхъ пѣвцовъ латинскими терминами: *fidicines*, *histriones*, *joculatores*, *mimi* и *pantomimi*; слово *spiliman* переводится *parasitus*. Въ такой терминологіи на ряду съ непосредственнымъ вліяніемъ классическихъ мимовъ на народныхъ нѣмецкихъ пѣвцовъ ¹⁾ можно въ значительной мѣрѣ предполагать ученое стремленіе дать своимъ роднымъ понятіямъ латинскую оболочку; такъ между прочимъ вожаковъ медвѣдей называютъ *mimi*, и пѣвцы у *Видукинда* носятъ тоже названіе (1р. 636 Meibum). Въ этомъ мѣстѣ онъ рассказываетъ про герцога Эбергардта Франкскаго, брата короля Конрада I, что онъ потерпѣлъ такое пораженіе отъ саксовъ при Эресбургѣ въ 912 г., *ut a mimis declamaretur ubi tantus ille infernus esset qui tantam multitudinem caesorum capere posset*. Здѣсь, какъ думаетъ Лахманъ, слово *declamare* употреблено вмѣсто *capere*, а подъ словомъ *mimis* слѣдуетъ разумѣть странствующихъ народныхъ пѣвцовъ ²⁾.

Большинство сохранившихся до нашего времени старыхъ нѣмецкихъ стихотвореній стоитъ на рубежѣ, гдѣ пѣніе мало по малу уступаетъ мѣсто сказыванію и позднѣе чтенію. Евангельскія книги Отфрида (около 870 г.) были предназначены для пѣнія, хотя неправильно аллитерирующіеся стихи ихъ назывались „*metrica carmina*“. Авторъ опредѣленно говоритъ о пѣніи: благочестивые люди просили у него „*hujus cantum lectionis*“ въ видѣ отдыха отъ неприличныхъ свѣтскихъ пѣсенъ.

¹⁾ А. Н. Веселовскій, Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха, СПб. 1879, стр. 174.

²⁾ К. Lachmann, Kleinere Schriften, 475.

Заклинанія, писанныя руками, пѣлись и сказывались. Вессобрунская молитва (VIII ст.) и пѣснь о Гильдебрандѣ (VIII ст.) не даютъ возможности опредѣлить, пѣлись ли онѣ, или излагались разговорной рѣчью. Но вообще всѣ старыя стихотворенія, построенныя парно рیمующимися стихами, назначены были для пѣнія.

Въ XII в. пѣснь по преимуществу носитъ характеръ духовный, тогда какъ пѣніе въ свѣтской жизни замѣняется сказываніемъ и чтеніемъ. Однако поэты по старой традиціи очень часто еще противоплагаютъ свое сказываніе пѣнію. Въ концѣ поэмы Луаринъ (Лауринъ) или малый Розенгартенъ изъ конца XIII ст. встрѣчается замѣтка:

Heinrich von Osterdingen diese äventiur gesungen hât. Странствующій баварскій поэтъ, *Вернеръ-Гарменере* въ своей поэмѣ о Гельмбрехтѣ (около 1250 г.) говоритъ: *her Nithart, und solt er leben, dem hetz got den sin gegeben, der Kunde ez iu gesingen baz dann ich gesagen*, т. е. еслибы живъ былъ Нитгартъ, одаренный отъ Бога такою способностью, то онъ *пропѣлъ бы* вамъ и лучше, чѣмъ я рассказалъ.

Вольфрамъ фонъ-Эшенбахъ въ Парсивалѣ (337, 5) говоритъ: *in kunde wîben sprechen baz denne als ich sanc gein einer maz*, т. е. я лучше могу рассказывать женщинамъ, чѣмъ *пѣть* по размѣру.

Но въ самыхъ обработанныхъ, лучшихъ средневѣковыхъ поэмахъ, изложенныхъ въ строфической формѣ, въ Нибелунгахъ, въ Альфартѣ, въ Кудрунѣ встрѣчается лишь *сказываніе*, а не *пѣніе*. Плачъ и Битерольфъ, построенные короткими рیمующимися стихами, тоже не говорятъ уже о пѣніи эпическихъ поэвъ.

Такъ въ Плачѣ (80) авторъ замѣчаетъ:

iu ist daz dicke wol gesagt

wie Etzel het betagt, т. е. вамъ часто уже *разсказывали* о томъ, какъ состарился Этцель;

въ Битерольфѣ (10590):

Swie dicke Witege het getân

daz man für wunder hat geseit, тоже *сказывали*.

Пѣніе было теперь изгнано изъ дворцовъ князей и знатныхъ людей, но оно не прекратилось, а лишь спустилось въ тѣ слои, откуда первоначально вышло: въ народѣ, въ лицѣ странствующихъ пѣвцовъ эпическая пѣсня еще продолжала свое существованіе.

Въ 1132 у Саксона Грамматика (13, 239) говорится про странствующаго пѣвца, пѣвшаго про измѣну Кримгильды: этой пѣсней онъ желалъ предупредить герцога Шлезвигскаго, Канута о грозящей ему опасности. Это былъ пѣвецъ по ремеслу, *arte cantor*.

Объ эпической народной пѣснѣ несомнѣнное свидѣтельство даетъ Кельнскій священникъ, написавшій стихотвореніе объ епископѣ Ганнонѣ (около 1183 г.). Онъ говоритъ:

*Wir hürten ie dicke singen
von alten dingen,
wi snelle helide vâhten,
wi si veste burge brâchten,
wi sich lîbin winiscefte schieden,
wi rîche künige al zegiengen,*

т. е. мы часто слышали пѣніе о старыхъ дѣлахъ, какъ боролись сильные герои, какъ они брали крѣпкіе замки, какъ они поседали дорогія связи, какъ погибали богатые короли.

Около 1125 г. одинъ монахъ въ Кведлинбургѣ упоминаетъ о Дитрихѣ Бернскомъ, *de quo cantabant rustici olim*. Около 1126 года объ Германрихѣ, Дитрихѣ и Аттилѣ подлѣ сказаній существовали еще пѣсни въ народѣ, *vulgaris fabulatio et cantilenarum modulatio*. *Эйнмартъ* рассказываетъ, что Карлъ Великій приказалъ записать старыя народныя пѣсни, *quibus veterum actus et bella canebantur*. Однако поэтъ, записавшій, а можетъ быть и передѣлавшій рассказъ о Гильдебрандѣ и Гадубрандѣ, начинаетъ свою поэму словами:

Ik gihôrta dhat seggen—я слышалъ сказаніе.

Первыя упоминанія о слѣпыхъ пѣвцахъ мы имѣли изъ VIII столѣтія; теперь въ XIII в. встрѣчаемся съ тѣмъ же фактомъ. Въ Титурелѣ Вольфрама фонъ-Эшенбаха говорится: *Sô singent uns die blinden daz Sîfrit hûrnîn waere*. Около 1287 г. былъ убитъ странствующій пѣвецъ, Марнеръ; онъ былъ слѣпымъ и не только пѣлъ народныя пѣсни, но также сочинялъ самъ. Въ пѣсняхъ своихъ онъ горько жалуется на жестокость господъ и между прочимъ въ одномъ мѣстѣ говоритъ: *Sing ich den lûten mîniu liet, sô wil der êrste daz, wie Dîetrîch von Berne schiet*:—sô wil der vierde Eg-

gehartes nôt, der fünfte von Kriemhilt verriet:—so wil der achte dâ bē niht wan hübschen minnesanc, т. е. если я пѣлъ людямъ любовныя пѣсни, то одинъ желалъ бы слышать про Дитриха Бернского, четвертый про Эггенгарта, пятый объ измѣнѣ Кримгильды, наконецъ, желали только прекрасныхъ любовныхъ пѣсень.

Ульрихъ фонъ-Лихтенштейнъ (ум. 1275 г.) говоритъ (Fruendendienst 112, 10) о народныхъ пѣсняхъ со старымъ героическимъ содержаніемъ и въ позднѣйшихъ произведеніяхъ съ сюжетомъ народныхъ сказаній эпическая пѣснь еще часто упоминается, продолжая свое существованіе среди странствующихъ пѣвцовъ, близко стоящихъ къ народу и теперь. Такія упоминанія мы находимъ: въ *Ортнитъ* (Отнйтъ) въ *Вольфдитрихъ*, въ *Быстль Дитриха* и въ большомъ *Розешартенъ*, но въ лучшихъ произведеніяхъ XII столѣтія, какъ въ пѣснѣ о Нибелунгахъ, о пѣніи ничего не говорится. Единственный случай такого упоминанія, указанный Лахманомъ, въ текстѣ рук. С (166), не подтверждается позднѣйшими изданіями: по крайней мѣрѣ намъ не удалось найти въ этомъ мѣстѣ выраженія, свидѣтельствующаго о пѣніи. Упоминанія о народныхъ пѣвцахъ проходятъ въ XIV и даже XV ст.: о нихъ обыкновенно говорится, что они умѣютъ *Singen, sagen* и *fiedeln (seitspil)* т. е. пѣть, сказывать и играть. Конрадъ Вюрцбургскій (ум. 1287) смѣется надъ нимъ, когда говоритъ: *alsus kan ich lîren, sprach einer der von Eggen sanc*, т. е. я также могу играть, говорилъ одинъ, *пѣвцѣ* про Эггена, указывая этимъ на какаго то странствующаго пѣвца, заявлявшаго о своемъ умѣніи пѣть и играть.

Для нашей цѣли достаточно вышеприведенныхъ свидѣтельствъ о существованіи народной эпической пѣсни, начиная со II вѣка до XV; указаній на ея дальнѣйшее сохраненіе въ Германіи не имѣется. Прослѣдивъ такимъ путемъ жизнь эпической пѣсни, мы можемъ въ судьбѣ ея различить три періода: сперва пѣснь живетъ въ народѣ, составляя общенародную собственность; затѣмъ она переходитъ въ специальное вѣдѣніе отдѣльныхъ пѣв-

¹⁾ K. Lachmann. Ueber Singen u. Sagen, 478, Kleinere Schrift. 1876.

цовъ, живущихъ при дворахъ князей и вельможъ, или же странствующихъ по городамъ и селамъ; пѣвцы эти служатъ посредствующимъ звеномъ между народомъ и высшимъ образованнымъ обществомъ; пѣснь совершенствуется подъ вліяніемъ романскихъ литературъ и принимаетъ форму національнаго эпоса; сказываніе и чтеніе усовершенствованныхъ произведеній вытѣсняеть пѣсню обратно въ народъ, гдѣ продолжается еще нѣсколько столѣтій послѣдній—третій періодъ ея существованія: лишенная поддержки культурныхъ слоевъ, она постепенно падаетъ, дичаетъ и, наконецъ, совершенно замираетъ.

О сказываніи этихъ поэмъ мы имѣли довольно много свидѣтельствъ; прибавимъ нѣсколько словъ о чтеніи подобныхъ произведеній. Въ то время, какъ на улицѣ, въ народѣ слышатся еще звуки старой пѣсни, у господъ, въ дворцахъ богатыхъ людей на первый планъ выдвигается чтеніе, сдѣлавшееся по преимуществу занятіемъ женщинъ. Этому благородному занятію мы обязаны тѣмъ, что до нашего времени сохранилось такъ много рукописей средневѣковыхъ произведеній. Въ одномъ изъ этихъ послѣднихъ, *Ивейнъ* (*Iwein*) *Гартмана фонъ Ауэ* (1195—1210) молодая дѣвица читаетъ (6455) своимъ родителямъ какую-то итальянскую книгу, въ произведеніи *Вирнта фонъ Гавенбергъ* (около 1210 г.), *Визлау* говорится о дѣвицѣ, читающей предъ королевной сказку объ Эпѣ; родственница поэта *Ульриха фонъ Лихтенштейна* (1223—1275) читала его новыя пѣсни своей подругѣ. Благодаря такой любви къ чтенію, выдающіяся произведенія въ родѣ поэмы о Нибелунгахъ нашли широкое распространеніе въ высшихъ слояхъ общества. Пѣснь о Нибелунгахъ уже не пѣлась, но читалась. Даже тѣ пѣсни, которыя легли въ ея основу, по мнѣнію Лахмана ¹⁾, за долго еще до того времени, когда ихъ собрали въ одно цѣлое, *сказывались*, а не *пѣлись*. Если имѣть въ виду, что съ извѣстнымъ способомъ передачи эпическихъ произведеній связывается опредѣленная степень ихъ развитія, то послѣдній выводъ

¹⁾ *K. Lachmann, Ueber Singen u. Sagen, 478, Kleinere Schrift. 1876.*

будетъ стоять въ противорѣчїи съ общей теорїей Лахмана, непридающей большаго значенія личному творчеству отдѣльнаго поэта въ созданіи поэмы. Однако не лишнимъ будетъ замѣтить, что въ народныхъ пѣсняхъ сохранились позднѣе другихъ мѣста поэмы, отличающіяся особенною неясностью и отрывочностью.

3. Гenezисъ нѣмецкой эпической поэзіи.

Эпическая поэзія съ историческимъ содержаніемъ, какъ мы видѣли раньше, дѣлается извѣстной во второмъ вѣкѣ по Р. Х., когда выдающаяся дѣятельность Арминія затемнила собой въ памяти народа подвиги старыхъ, полумифическихъ предковъ, какъ *Туиско* и *Манна*.

Пѣсни съ такимъ содержаніемъ пѣлись въ кругу танцующей или медленно движущейся толпы, или въ виду непріятеля передъ началомъ битвы ¹⁾. Обычай этотъ прошелъ и въ средніе вѣка, гдѣ находимъ такое свидѣтельство: *Ther kuning reit kuono, sang lioth frano; joh alle samon sungun „Kyrrie leison”* т. е. король идетъ смѣло и запѣваетъ пѣсню, всѣ вмѣстѣ подпѣвали: „*Kyrrie leison*” ²⁾. Можно думать, что здѣсь имѣется въ виду латинская пѣсня, а можетъ быть лишь припѣвъ церковно-латинскій. Для усиленія звуковъ пѣсни воины иногда держали передъ ртомъ щиты; такого рода пѣсни назывались *barditus*, отъ староскандинавскаго слова *bardhi*, что значить щитъ.

Въ мирное время устраивались воинственные танцы ³⁾, извѣстія о которыхъ начинаясь со времени Тацита (Germ. 24), достигаютъ XV ст.; ихъ сопровождали свирѣль и пѣніе. Эти старыя эпическія, чисто народныя пѣсни излагались въ формѣ *аллитераци*, что замѣтно уже изъ встрѣчающихся собственныхъ именъ первыхъ, полумифическихъ предковъ германскаго на-

¹⁾ *Tacitus*, Germ. 3; Histor. 2, 22, 4, 18.

²⁾ Изъ пѣсни о побѣдѣ Людовика III при Сокурѣ въ 881 году: *W. Wackernagel*, Deutsches Lesebuch 1873³, стр. 274, стихъ 19.

³⁾ *Müllenhoff*. Ueber den Schwerttanz въ „Festgaben für G. Homeyer, Berlin, 1871 стр. 109 и сл.; также въ *Zeischrift f. d. A.* 20, 10.

рода; сыновья перваго человѣка называются: *Ingo, Isco, Irmino*. Остатки аллитераціи видны также въ одинаково начинающихся именахъ англо-саксонскихъ родоначальниковъ: *Hengest* и *Horða*, *Scyld* и *Sceáf*, *Finn* и *Folcvald*, *Freodhvald* и *Fréávine* и въ именахъ трехъ первыхъ боговъ скандинавскихъ: *Odhinn* (*Wodan*), *Vili* и *Ve*, въ именахъ первыхъ мужчины и женщины: *Ask* и *Embla*. Древнѣйшая форма стихосложенія, свойственная и скандинавскому сѣверу, основана на созвучіи *согласныхъ* или *ла-сныхъ* элементовъ языка въ отдѣльности.

Созвучіе *согласныхъ* въ началѣ словъ, напр. *Singen* и *Sagen*, *Hiltibrant* *Hadhubrant*, *Mann* и *Maus*, *leibt* и *lebt*, *Stock* и *Stein*, *Wind* и *Wetter*, *Kind* и *Kegel* образуетъ аллитерацію ¹⁾. Такое созвучіе служитъ связующимъ элементомъ народной поэтической формы, которая въ строго проведенномъ видѣ требовала, чтобы въ каждой двухъ короткихъ стихахъ встрѣчалось три раза начальное созвучіе согласныхъ и при томъ въ первомъ стихѣ два раза, напр.

Himmelan hebt sich — Die heilige Flamme.

Всѣ гласныя считались одинаковыми при равныхъ согласныхъ.

Изъ VIII ст. сохранился отрывокъ поэмы, примыкающей къ Ломбардскому циклу сказаній, поэтическая форма котораго даетъ намъ образчикъ аллитераціи.

Отрывокъ этотъ сообщаетъ извѣстный международный разсказъ о борьбѣ отца съ сыномъ и начинается такъ:

Ik gihôrta dhat seggen, dhat sich urhêttun—ænon muotin

Hiltibrant enti Handhubrant—untar herjun tuêm

Sunnfatarungôs—irô saro rihton

Garutun sê irô gûdhamun—gurtun sih irô suert ana,

Helidôs, ubar hringa—dô siê tô derô hiltju ritun,

т. е. я слышалъ сказаніе.... что вызывали другъ друга на поединокъ Гильтибрандъ и Гадубрандъ между двухъ войскъ. Сынъ и отецъ осматривали свое вооруженіе, они приводили въ порядокъ свое боевое платье, опоясывали мечи; герои съѣзжались на широкое полѣ для битвы.

¹⁾ *K. Lachmann*, *Kleinere Schriften*. стр 137.

Въ пѣснѣ о Гильдебрандѣ мы видимъ самый древній памятникъ народной эпической поэзіи. Въ такой же аллитерирующей ея формѣ составлены *Вессобрунская* молитва VIII в., *Муспилли* и *Гелиандъ* IX стол.¹⁾, хотя, конечно, правило проведено не строго, а въ послѣднихъ двухъ уже замѣтенъ переходъ къ риму.

Созвучіе гласныхъ, являющееся такъ-же связующимъ элементомъ древнѣйшей поэтической народной формы, называется *ассонансомъ*, напр. Klang—Schall, Schollen—rollen, Stoss — Stoss. По этому закону построены произведенія IX в.: *Евангельскія книги Отфрида* (около 870 г.) и *Людвигсидъ* (около 881 г.), въ которыхъ рима начинается уже преобладать, переходя изъ латинскихъ стихотвореній, которыми была усвоена отъ романскихъ народовъ.

Поэма Отфрида начинается такъ:

Nu wil ih scriban unser heil
evangeljono deil
So wir nu hiar bigunnen
in frenkisga zungun,

т. е. теперь хочу я писать о нашемъ спасеніи, о частяхъ Евангелія, и такъ мы начинаемъ теперь здѣсь на франкскомъ языкѣ.

Начало пѣсни о Людовикѣ III, составленной около 881 г. по поводу битвы съ Норманнами при Сокурѣ (Sathulcurtis), таково:

Einan kuning weiz ih,
heizsit her Hludwig,
ther gerno gode thionot;
ich weiz her imos lonot,

т. е. одного короля знаю я, зовется онъ Людвигъ, который охотно служить Богу; я знаю, Господь наградитъ его.

Въ послѣднихъ двухъ произведеніяхъ ассонансъ смѣшивается съ римой. Поэтому въ нихъ можно видѣть уже усвоеніе народными нѣмцами произведеніями римы, господствовавшей въ романскихъ народныхъ произведеніяхъ. Переходъ поэтическихъ произведеній изъ устъ народа въ руки придворныхъ поэтовъ знаменуется переменой формы: аллитерація сливается съ ассонансомъ, со-

¹⁾ J. Kōne, Heliand oder das Lied vom Leben Jesu. Münster 1855; Ed. Sievers, Heliand 1878 въ V-мъ томѣ Germanistische Handbibliothek издан. Zacher'омъ.

звучіе согласныхъ и въ то же время гласныхъ въ концѣ стиха производитъ риму, съ начала, конечно, очень бѣдную. Лишь три столѣтія спустя поэтическая форма успѣваетъ достигнуть своего совершенства, какое восхищаетъ насъ въ пѣснѣхъ о Нибелунгахъ, подъ вліяніемъ съ одной стороны школы, съ другой латинской и романской литературы.

Такъ постепенно видоизмѣнялась поэтическая форма народныхъ произведеній; измѣненіе коснулось и содержанія ихъ.

То, что составляло содержаніе народной эпической поэзіи до великаго переселенія народовъ, почти все было забыто; удержались лишь отдѣльныя мифологическія представленія. Напротивъ того событія, перестроившія всю внѣшнюю и внутреннюю исторію Европы, обновивъ содержаніе народнаго эпоса, дали свѣжій и богатый матеріалъ для народнаго творчества, можетъ быть, даже въ избытѣхъ сравнительно съ той бѣдной формой, которая не получила еще своей обработки при дворахъ разныхъ князей подъ вліяніемъ образцовъ древняго искусства. Переселеніемъ народовъ начинается новый періодъ жизни германскихъ племенъ, оно сопровождалось такими величественными событіями, выдвинуло такихъ могучихъ героевъ, что народное воображеніе было сильно возбуждено и память о нихъ передавалась изъ рода въ родъ; оно послужило почвой, на которой съ тѣхъ поръ развивался эпосъ. Сказанія захватили имена историческихъ дѣятелей, какъ *Эрменриха*, *Аттилы*, *Вальтера* и *Гильдебранда*, бургундскаго короля *Гунтера* и сестры его *Гудруны*; въ нимъ присоединились старыя мифическія вѣрованія о Зигфридѣ и кузнецѣ Виландѣ, что все вмѣстѣ и составило основныя звенья для національнаго нѣмецкаго эпоса.

Хотя съ утвержденіемъ христіанства церковь неблагоклонно начала смотрѣть на народныя пѣсни и забавы, хотя вмѣсто нихъ она силилась распространить духовные стихи, однако еще долго старыя эпическія пѣсни продолжаютъ свое существованіе въ народѣ, лишь постепенно, мало по малу выходя изъ круга общенароднаго знанія, дѣлаясь спеціальнымъ знаніемъ немногихъ.

Духовнымъ просвѣтителемъ народа не только не удалось заглушить глубоко лежащіе въ народной психикѣ корни эпическаго

творчества, но, напротивъ, они сами по временамъ поддавались его вліянію: сперва они записывали народныя пѣсни и сказанія, а затѣмъ и сами начали сочинять въ народномъ духѣ, и вотъ благодаря лишь имъ до нашего времени сохранились немногіе памятники этого чисто народного творчества изъ VIII столѣтія.

Прежде всего вниманіе духовенства, недалеко еще ушедшаго отъ старыхъ мнѣическихъ воззрѣній, остановилось на произведеніяхъ, имѣющихъ практическое значеніе. Можно думать, что монахъ, записавшій Мерзебургскія формы заклинаній, самъ вѣрилъ въ ихъ цѣлительную силу. Рукопись X ст. сообщаетъ намъ ихъ содержаніе, идущее изъ отдаленной старины общеарійскихъ воззрѣній, выраженное въ двухъ заклинательныхъ формулахъ.

Въ первой говорится о заклинаніи вывиха; дѣйствующими лицами являются языческія божества: *Бальдеръ, Водана*, богини *Синдигунда* и *Сунна*, *Фолла* и *Фрія*; ихъ искусство не имѣетъ успѣха; лишь магическая формула Водана „кость въ кости, кровь въ крови, членъ въ члену“ производятъ желаемое дѣйствіе и вывихнутая нога жеребенка Бальдера исцѣляется ¹⁾.

Второе заклинаніе развязываетъ узы плѣнникамъ; здѣсь дѣйствуютъ Валькиріи, раздѣлившись на три группы: одни изъ нихъ связываютъ плѣнныхъ враговъ, другіе сражаются противъ непріятелей, третьи, наконецъ, позади враждебнаго войска освобождаютъ своихъ плѣнныхъ, говоря „освободись отъ узъ, бѣги отъ врага“. Языкъ этихъ двухъ заклинаній принадлежитъ, повидимому, Тюрингіи.

Въ средніе вѣка отмѣтки подобныхъ формулъ достигаютъ громаднхъ размѣровъ, постепенно отклоняясь отъ языческой почвы и поэтической народной формы ²⁾. Имъ очевидно приписывали реальное значеніе, замѣщая лишь языческихъ боговъ христіанскими святыми.

Затѣмъ два монаха Фульдскаго монастыря записали на Гессенскомъ нарѣчій старую пѣсню о *Гильдебрандѣ*. Это самый древній памятникъ народного вѣмцеаго эпоса, дошед-

¹⁾ W. Scherer, Geschichte der deutschen Litteratur. 1884², стр. 15.

²⁾ W. Wackernagel, Geschichte der deutschen Litteratur. 1879². стр. 54.

пій въ рукописи VІІІ ст. Монахи записали пѣсню эту по памяти еще изъ того времени, когда они жили внѣ монастырскихъ стѣнъ. Подобно Мерзбургскимъ заклинаніямъ по своему содержанію пѣснь о Гильдебрандѣ принадлежитъ къ числу международныхъ сказаній ¹⁾).

Наконецъ, *Вессобрунская молитва*, названная такъ по имени монастыря въ Баваріи, гдѣ была найдена въ рукописи VІІІ ст., носить ясныя слѣды народно-поэтического произведенія. Въ ней передается исторія творенія міра въ характерѣ народнаго міросозерцанія. Вступленіемъ, какъ и въ пѣснь о Гильдебрандѣ, служить ссылка на рассказы другихъ людей, т. е. на устную передачу. Въ ней повѣія и проза, церковный и народный элементы слиты вмѣстѣ.

Вотъ все, что сохранилось отъ періода болѣе или менѣе чисто народнаго творчества нѣмецкаго племени; все, что является затѣмъ, нельзя приписать безыскусственному творчеству; форма и содержаніе позднѣйшихъ памятниковъ говорятъ за дѣятельность отдѣльныхъ лицъ съ поэтическимъ талантомъ и развитымъ вкусомъ. Съ начала IX ст. до конца XI ведется тяжелая подготовительная работа, которая и пополняетъ пространство трехъ столѣтій между чисто народными произведеніями VІІІ вѣка и блестящими продуктами національнаго искусственнаго эпоса конца XI или начала XII столѣтія.

Уже въ IX вѣкѣ, какъ мы видѣли, чисто народный складъ поэтическихъ произведеній — *аллитерація* уступаетъ мѣсто риму, усвоенной подъ непосредственнымъ вліяніемъ латинскаго духовнаго стиха. Широкое развитіе среди нѣмцевъ классическаго знанія, начавшееся съ Академіи при дворѣ Карла Великаго содѣйствуетъ быстрому усовершенствованію народнаго языка и поэтическаго вкуса. Уже *Веймардъ* ²⁾ пытался составить нѣмецкую грамматику и въ качествѣ матеріаловъ для нея записывалъ ста-

¹⁾ О. О. Миллеръ, Илья Муромецъ и богатырство Киевское. 1869; И. Соболевичъ, Пѣсни о дѣвушкѣ - воинѣ и былины о Ставрѣ Гоудиновичѣ. Варшава 1886, стр. 166.

²⁾ Wackernagel, Geschichte der deutschen Litteratur 1879², стр. 64.

рыя эпическія пѣсни. Сборникъ его не дошелъ до насъ, но самая попытка служить убѣдительнымъ доказательствомъ, что въ то время вниманіе и любовь къ своему родному языку не были заглушены религіозными интересами, исключавшими напр. въ X в. все свѣтское и мірское.

Интересъ къ народной жизни, къ родному языку, возникшій при Карлѣ Великомъ, не нашелъ своихъ приверженцевъ при его наслѣдникахъ, отличавшихся другими наклонностями. Про Людовика Благочестиваго біографъ его говоритъ такъ: *Poetica carmina gentilia, quae injuventute didicerat, respuit nec legere, nec audire nec docere voluit* ¹⁾. Онъ не желалъ читать тѣхъ народныхъ пѣсенъ, которыя были записаны по распоряженію его отца. Однако среди его современниковъ были люди, продолжавшіе дѣятельность Карла В.; между ними первое мѣсто принадлежить *Грабану Мавру*, бывшему съ 822 г. настоятелемъ Фульдскаго монастыря, а съ 847 г. епископомъ города Майнца. Самъ онъ былъ ученикомъ Алькуина, послѣдователемъ широкихъ плановъ народнаго просвѣщенія, намѣченныхъ еще Карломъ Великимъ. Подъ его просвѣщеннымъ руководствомъ Фульдскій монастырь превратился въ разсадникъ учености и прогресса: отсюда вышли поэтъ *Отфридъ*, собиратель глоссъ *Валафрида*, собиратель готскихъ собственныхъ именъ *Смарагдъ*. Заслуга упомянутыхъ лицъ по отношенію къ родному языку очень велика: Грабанъ Мавръ, будучи епископомъ, приказалъ проповѣдывать на народномъ языкѣ; Валафридъ ввелъ въ школѣ преподаваніе народнаго языка, изученіе котораго велось по старымъ пѣснямъ; Отфридъ первый примѣнилъ рѣшму къ народному складу пѣсни въ своихъ Евангельскихъ книгахъ. Всѣ эти дѣятели трудились подѣ вліяніемъ народнаго духа, въ ихъ произведеніяхъ сказывается живой элементъ современности; лишь форма народная отступила на задній планъ предъ болѣе совершенной обработкой языка ученыхъ монаховъ.

Однако вліяніе Италіи и классической древности все усиливается при *Оттонахъ* и благодаря этому обстоятельству при

¹⁾ *Tegamus in Vita Ludovici* стр. 19.

дворахъ князей и въ монастыряхъ процвѣтаетъ латинская поэзія, высшимъ проявленіемъ которой, какъ извѣстно, считаются произведенія ученой монахини Росвиты ¹⁾. Но при всемъ томъ мірской вкусъ, мірскія привычки, усвоенныя монахами съ дѣтства, какъ не прошенныя гости проникали за мрачныя стѣны монастырей вмѣстѣ съ людьми, искавшими тамъ убѣжища отъ неудовлетворительной дѣйствительности и ради возможности вести тамъ возвышенную, созерцательную жизнь.

И вотъ старыя сказанія родины, героическія пѣсни предковъ проникаютъ въ кругъ латинской монастырской поэзіи и ихъ начинаютъ обрабатывать по образцамъ классическимъ, въ родѣ Виргилія, возбуждавшаго въ средніе вѣка всеобщее удивленіе. Изъ такихъ поэмъ сохранились довольно многія; изъ нихъ назовемъ болѣе значительныя—*Вальтариусъ* ²⁾ и *Рюдмидъ* ³⁾. Первое произведеніе всецѣло заимствовано изъ народно-поэтическихъ сказаній, второе носитъ слѣды такового вліянія. Къ этому же роду монастырскихъ поэтическихъ произведеній относится латинская обработка пѣсни о *Нибелунгахъ*. Сама поэма въ этой формѣ до нашего времени не сохранилась, но имѣется свидѣтельство объ ея существованіи, хотя и оспариваемое представителями Лахмановской школы ⁴⁾. Вотъ это мѣсто (Die Klage, 2147): von Razowe der bischof Pilgerin durch liebe ner neven Stn hiez schriben disiu maere, wie es ergangen waere, mit *Latynischen* buechstaben, т. е. епископъ Пильгеринъ изъ любви къ своему племяннику велѣлъ списать это сказаніе, какъ все произошло, *латинскими* буквами. Однако не упустимъ изъ виду, что нѣсколькими строками дальше говорится объ изложеніи этой же поэмы на нѣмецкомъ языкѣ.

¹⁾ Fr. Köpke, Die älteste deutsche Dichterin. Berlin 1869.

²⁾ Jos. Victor Scheffel и Alfr. Holder, Waltarius, lateinisches Gedicht des X Jahrhunderts. Stuttg. 1874—Текстъ съ переводомъ; Franz Linnig, Walther von Aquitanien. Heldengedicht in zwölf Gesängen mit Beiträgen zur Heldensage und Mythologie. Paderborn 1884.

³⁾ I. Grimm und Schmeller, Lateinische Gedichte d. X u. XI Jahrhundert. Göttingen 1838.

⁴⁾ Müllenhoff, Zur Geschichte der Nibelunge Not. 1855, стр. 75.

Изъ этого мѣста „Плача“ заключаютъ, что въ изложеніи на латинскомъ языкѣ поэма была обработана по порученію ¹⁾ епископа пассаускаго Пильгрима, умершаго въ 991 г., къ чему подали поводъ возобновившіеся около того времени набѣги венгровъ, новыхъ гунновъ по понятію германцевъ, возбудивъ въ высшихъ слояхъ общества ослабѣвшій было интересъ къ имени Аттилы, игравшаго видную роль въ народныхъ сказаніяхъ, возникшихъ еще со времени великаго передвиженія народовъ.

Другимъ матеріаломъ для латинской обработки монастырскихъ досужныхъ обитателей служили сказанія животнаго эпоса, тоже способствовавшія сближенію народнаго міросозерцанія съ церковнымъ. Такихъ произведеній сохранилось много; они состоятъ изъ разсказовъ о животныхъ, волѣхъ, медвѣдѣхъ, лисицѣхъ, львѣхъ, пѣтухѣхъ и затѣмъ переходятъ въ область пословицъ ²⁾.

Хотя народныя сказанія, какъ мы видимъ, проникаютъ и теперь за монастырскія стѣны, но обрабатываются лишь на латинскомъ языкѣ. Подобное же пренебреженіе къ своему родному языку распространяется при княжескихъ дворахъ и у господъ. Раздѣленіе сословій приняло рѣзкія формы и отразилось въ литературѣ: народъ предоставленъ былъ самому себѣ со своимъ языкомъ, со своими пѣснями и сказаніями. Его *psalmi plebeji*, или *cantica rustica*, или *seculares cantilenae*, какъ тогда называли народныя пѣсни, не заслуживали больше вниманія высшаго сословія. Но въ народѣ онѣ не только продолжали существовать, но даже и развиваться: по поводу новыхъ событій возникаютъ новыя пѣсни. Такъ измѣна *Гаттона* Адальберту Бабенбергскому въ 904 году даетъ поводъ возникновенію объ немъ пѣсенъ въ народѣ о чемъ *Эккегардъ* ³⁾ IV (ум. 1036 г.) говоритъ слѣдующимъ образомъ: *vulgo concinatur et canitur*. Очевидно вниманіе народа было привлечено кровавой распрей Бабенберговъ

¹⁾ *Holtzmann*, Untersuchungen über das Nibelungenlied, 1854. стр. 133.

²⁾ *W. Wackernagel*, Geschichte d. deutschen Litteratur 1879². стр. 93.

³⁾ *Pertz*, Monum. Germ. histor. 2, 83.

и Конрадиновъ при Людовикѣ Дитятѣ, и вотъ когда епископъ Майнцскій Гаттонъ, измѣнилъ Адальберту Бабенбергскому, то о немъ сложились пѣсни и дошли до конца XII ст., какъ говоритъ *Оттонъ Фрейзингенскій* (ум. 1175 г.) въ своей хроникѣ (6, 15): *in vulgari traditione in compositis curiis hactenus auditur*.

Кромѣ этого событія были еще и другія темы народной пѣсни: такъ разладъ *Оттона Великаго* со своимъ сыномъ *Лудольфомъ* попалъ въ пѣсни шпильмановъ, перешедшія въ средніе вѣка подъ видомъ сказаній о *Герцогѣ Эрнстѣ*; также епископы *Ульрихъ Аусбургскій* и *Бенно Оснабрюкскій* прославлялись въ поемахъ странствующихъ пѣвцовъ, составъ которыхъ былъ чрезвычайно разнообразенъ: кромѣ лицъ, вышедшихъ изъ среды простаго народа, здѣсь были неудавшіеся клерики, обращавшіе свои латинскія знанія для поднятія искусства, находившагося еще на такой низкой степени развитія, что весь X-й вѣкъ не произвелъ ни одной большой поэмы или разсказа. Лишь мелкія историческія пѣсни, легенды, сказки, шутки и разсказы изъ жизни животныхъ составляли литературу странствующихъ поэтовъ, шпильмановъ. Форма однако все болѣе и болѣе совершенствуется, особенно въ первой половинѣ XI столѣтія. Тѣмъ не менѣе эти жалкіе литераторы провели эпическую пѣсню черезъ всѣ средніе вѣка, до тѣхъ поръ хранили ее, пока образованные классы начали культивировать національную поэзію и тѣмъ оттѣснили народныхъ пѣвцовъ въ глушь ихъ родныхъ селъ и деревень. Итакъ въ X в. эпическая поэзія была попреимуществу народной, въ XI она дѣлается аристократической, такъ какъ въ X в. образованіе вышшихъ сословій было исключительно классическимъ, когда въ первые проявилось въ Германіи возрожденіе классической древности и когда всѣ писали и читали по латыни. Одинадцатый же вѣкъ поднимаетъ національное самосознаніе, передаетъ народную поэзію въ руки образованныхъ людей, вызываетъ возрожденіе старыхъ германскихъ героическихъ сказаній и кончается расцвѣтомъ самостоятельнаго нѣмецкаго творчества. Но это совершилось, конечно, медленнымъ путемъ подготовительной работы.

Въ началѣ XI-го столѣтія можно указать лишь немногихъ представителей изъ духовенства, писавшихъ на нѣмецкомъ языкѣ

Это были схоластикъ Бамбергскій, *Эццо*, *wir omni sapientia et scientia praeditus*, написавшій по поводу поѣздки епископа Бамбергскаго во святымъ мѣстамъ въ 1064 году на нѣмецкомъ языкѣ небольшую поэму, рисующую настроеніе пилигримовъ, и священникъ *Вилло*, обработавшій ее въ поэтической формѣ, такъ что она сдѣлалась выдающимся явленіемъ литературы того времени и образовала цѣлую школу. Поэма эта называлась „*cani-lena de miraculis Christi*“ и распѣвалась во время крестовыхъ походовъ. Извѣстна еще поэма про архіепископа Кельнскаго Ганнона, написанная около 1080 года. Авторъ ея прямо высказываетъ намѣреніе соперничать съ народными пѣвцами, со шпильманами и странствующими поэтами, репертуаръ которыхъ обогатился, благодаря крестовымъ походамъ, еще новыми сюжетами какъ рассказы про Соломона и Морольфа, Оренделя, короля Ротера, герцога Эрнста и т. д. Вообще содержаніе поэзіи шпильмановъ этого времени было чрезвычайно разнообразно и передавалось въ большомъ количествѣ пѣсень и рассказовъ. Хотя до нашего времени сохранилось незначительное число ихъ въ своемъ первоначальномъ видѣ ¹⁾, однако свидѣтельства современниковъ даютъ право думать, что народные пѣвцы передавали въ своихъ произведеніяхъ всѣ выдающіяся событія своего времени, почерпая матеріалы то изъ духовныхъ источниковъ, то изъ восточныхъ рассказовъ, то изъ военныхъ приключеній. Вотъ нѣсколько современныхъ событій отразившихся въ поэзіи того времени. Во время похода *Генриха V* противъ *Болеслава*, короля польскаго въ 1109 году сами нѣмцы прославляли въ своихъ пѣсняхъ подвиги польскаго героя, они пѣли „*Cantilenam Alemannorum in laudem Boleslavi*“, какъ говорить Мартинъ Галъ (3, 11).

Въ войсѣхъ *Фридриха I* палъ въ битвѣ при *Миланѣ* въ 1158 году графъ *Эккебертъ Бютенскій*, *cujus et interitum lacrimoso tristitia nectens carmine teutonico deflevit fama per urbes*. (Guntheri Liguirinus 7, 480). Пѣсни подобнаго содержанія возникали

¹⁾ *R. v. Liliencron*. Die historischen Volkslieder der Deutschen v. XIII bis XVI Jahrh., gesammelt u. erläutert. I—V, Lpz. 1865—69.

и продолжали жить, не привязываясь къ имени извѣстнаго поэта; передавались онѣ изъ устъ въ уста, не закрѣпляясь письменностью, разносились во всѣ стороны странствующими пѣвцами и слѣпцами, собиравшими вокругъ себя публику на улицахъ и въ трактирахъ: *Swer von hern Dieterich von Bern dâ (въ трактиры) sagen kan und von hern Ecken und von den alten sturmrecken, für den giltet man den win*, т. е. кто можетъ разсказать (въ трактирѣ) про Дитриха Бернскаго, или про Эккена, или про старыхъ богатырей, тому подносятъ вино. Новыя пѣсни смѣшивались со старыми, перепутывали событія современной жизни съ давно отжившими воспоминаніями, улучшали и развивали языкъ и форму старыхъ пѣсенъ, принаравливая ихъ ко вкусу своего времени. И вотъ такія историко-эпическія пѣсни были еще чрезвычайно многочисленны въ XII и XIII ст., но въ XIV и XV ст. онѣ, останавливаясь лишь на хищническихъ подвигахъ упавшаго рыцарства, не въ состояніи уже болѣе поддерживать замиравшаго своего значенія. Сами пѣвцы народные, странствующие поэты не находятъ уже сочувствія въ обществѣ: имъ запрещается пѣть и играть по городамъ, селамъ и частнымъ домамъ. Такъ около 1365 года издается въ Мариенбургѣ постановленіе слѣдующаго содержанія: *Wir vorbyten ouch das keine pheiffer pheiffen sollin nach der andrin glocken uf der gasse adir vor den husern. welcher boven das gehort wirt adir besehen, der sal acht tage in der tymentzen legen* ¹⁾, т. е. мы запрещаемъ также всѣмъ музыкантамъ послѣ втораго часа играть на улицахъ или передъ домами. Если же несмотря на это кого либо изъ нихъ услышатъ или увидятъ, тотъ долженъ восемь дней сидѣть въ тюрьмѣ.

Въ этомъ распоряженіи Мариенбургскаго магистрата помимо самого запрещенія интересно также употребленіе славянскаго слова *tymentzen* = темница.

Однако прежде чѣмъ народная пѣснь устарѣла, выродилась и, наконецъ, замерла, рядомъ съ ней, на той же самой почвѣ, но при болѣе благоприятныхъ условіяхъ для прогресса, возникаетъ искусственная эпическая поэзія, воспитанная народными пѣв-

¹⁾ Voigts Geschichte Marienb. стр. 528.

цами, шпильманами, странствующими поэтами и усвоенная болѣе образованными, болѣе искусными въ литературной формѣ придворными поэтами. Эти послѣдніе вводятъ народную поэзію въ кругъ блестящаго рыцарства, вниманіе котораго было привлечено къ героическому эпосу народа подобными же произведеніями восточной литературы, внесенной въ Европу крестовыми походами и переводными романами французскими.

Постепенному совершенствованію литературной формы нѣмецкой поэзіи способствовало еще то обстоятельство, что въ монастыряхъ въ XI ст. появилась нѣмецкая риёмованная проза, которая постепенно совершенствовалась въ теченіи цѣлаго столѣтія и приближалась своимъ содержаніемъ, формой и размѣромъ къ искусственной эпической поэзіи XII и XIII вѣка. Эта монастырская риёмованная проза подготовила почву для плодотворныхъ сѣмянъ народнаго эпоса. Въ этой области трудятся исключительно лица духовныя, выбирая для своихъ произведеній сюжеты библейскіе, преданія и легенды христіанскія. Затѣмъ древность греческая и латинская даютъ имъ новый матеріалъ для упражненій въ родномъ языкѣ, а французскіе романы указываютъ путь дальнѣйшаго развитія для національной литературы. Такъ священникъ *Конрадъ* обрабатываетъ французскую поэму о *Роландѣ*, содержаніе которой—походъ Карла Великаго противъ магометанъ въ Испанію, измѣна Ганелона, трагическая смерть Роланда, побѣда Карла надъ невѣрными и наказаніе Ганелона—какъ нельзя болѣе соотвѣтствовали вкусу и обстоятельствамъ времени. Другой священникъ *Лампрехтъ* около половины XII ст. переводитъ съ французскаго подлинника пѣсню объ *Александрѣ Великомъ*. Оба произведенія должны были воспламенить чувства общества для борьбы съ невѣрными въ виду новаго крестоваго похода, проповѣдуемаго пламенными рѣчами Бернарда Клервоскаго. Какъ одинъ, такъ и другой переводчики придали своимъ работамъ народный характеръ, выражаясь въ духѣ народной рѣчи. Художественностью однако оба произведенія не отличаются, хотя и были назначены для свѣтской публики.

Такія попытки искусственной эпики находятъ затѣмъ продолжателей въ лицѣ странствующихъ поэтовъ, происходившихъ

по большей части изъ простаго народа, частью изъ обѣднѣвшаго дворянства, частью изъ духовенства. Стоя между низшимъ и высшимъ сословіемъ и находясь въ общеніи съ духовенствомъ, они легко могли усвоить вкусы господъ, знать содержаніе народнаго эпоса и изучить правила литературнаго искусства, развитаго среди духовенства.

Благодаря такому положенію, они сѣумѣли лучше овладѣть языкомъ чѣмъ монастырскіе переводчики, они сѣумѣли придать своему разсказу больше жизни, теплоты, художественной законченности. Въ своихъ произведеніяхъ они не только описываютъ геройскіе подвиги рыцарей, но по временамъ удѣляютъ свое вниманіе и прелестямъ домашней жизни, останавливаются на мотивахъ психологическихъ. Хотя своимъ изложеніемъ они превосходятъ духовныхъ литераторовъ, однако все еще произведенія ихъ носятъ черты извѣстной грубости нравовъ, неразвитости вкуса, необработанности языка. Имена этихъ странствующихъ поэтовъ не сохранились для потомства, лишь имя *Генриха Глейснера* и *Сперфогеля* (Spergugel) встрѣчаются у придворныхъ писателей, сѣумѣвшихъ въ свою очередь въ скоромъ времени отгнать на задній планъ странствующихъ поэтовъ.

Обязанные своимъ возникновеніемъ странствующимъ поэтамъ и придворнымъ писателямъ памятники эпической поэзіи распадаются по своему содержанію на два отдѣла: въ первому принадлежатъ произведенія, почерпнуція свой матеріалъ изъ чисто народныхъ сказаній, — ихъ можно назвать памятниками *національной эпической поэзіи*; въ другому отдѣлу относятся всѣ произведенія, построенныя на матеріалахъ принесенныхъ главнымъ образомъ изъ романскихъ литературъ, — это будетъ такъ называемая *придворная эпическая поэзія*.

а. *Національный эпосъ.*

Хотя придворные поэты смѣялись надъ народной эпической поэзіей и подшучивали, какъ Конрадъ Вюрцбургскій, надъ ея носителями, странствующими пѣвцами, однако она сѣумѣла проложить себѣ путь въ высшее общество, проникла къ дворянству князей

и, сливъ два елемента, народный матеріалъ и искусственно развитую форму, достигла той небывалой высоты, совершенства языка, изящества отдѣлки, которая поставили народно-національную эпопею выше всѣхъ прочихъ произведеній придворныхъ поэтовъ.

Заслуга странствующихъ народныхъ пѣвцовъ очень велика: они сохранили въ устной передачѣ сокровища родныхъ сказаній и донесли ихъ до слуха высшаго сословія, образованіе котораго приняло въ концѣ XII и началѣ XIII ст. національный характеръ, сблизившій аристократію со своимъ народомъ и давшій ей возможность при посредствѣ народныхъ поэтовъ усвоить содержаніе старыхъ нѣмецкихъ сказаній. Если отъ этихъ послѣднихъ заимствованъ матеріалъ и отчасти удержанъ способъ изложенія народныхъ эпическихъ сказаній, то все прочее въ возникшемъ затѣмъ эпосѣ слѣдуетъ приписать искусству образованныхъ поэтовъ, имена которыхъ однако не связаны съ возникновеніемъ національныхъ поэмъ, какъ пѣсни о Нибелунгахъ, такъ и Кудруны.

Такимъ путемъ шло развитіе нѣмецкаго эпоса: народные сказанія жили въ массѣ народа болѣе тысячи лѣтъ, считая отъ перваго упоминанія объ эпической пѣснѣ у Тацита. Въ этотъ долгій періодъ общественной жизни условія сильно измѣнились, христіанство внесло грамотность, а съ нею и вліяніе романскихъ литературъ. Это моментъ весьма рѣшительный; потребовались затѣмъ еще цѣлыя столѣтія для развитія языка и усвоенія литературныхъ формъ романскаго и классическаго міра. Второй моментъ сильнаго вліянія французской рыцарской литературы приводитъ образованные классы къ признанію своего отечественнаго эпоса. Онъ дѣлается собственностью высшихъ классовъ, культивируется тамъ, совершенствуется, распространяется въ прекрасно написанныхъ рукописяхъ, очень цѣнныхъ въ то время и сохраняется въ нихъ до нашего времени.

Въ XVIII ст. національный эпосъ дѣлается предметомъ научныхъ изслѣдованій и достается ученымъ не изъ живыхъ устъ народа, но изъ полусгнившихъ средневѣковыхъ рукописей. Этимъ вѣншимъ признакомъ отличается нѣмецкій эпосъ отъ славяно-русскаго, перешедшаго къ ученымъ непосредственно отъ самаго народа при помощи устной передачи; но это вѣншнее различіе обу-

словливаетъ собою глубокое, внутренне несходство обоихъ эпосовъ: если славяно-русскій эпосъ назовемъ *народнымъ* въ полномъ смыслѣ этого слова, то нѣмецкій будетъ по справедливости называться *національнымъ*. Его возникновеніе и усовершенствованіе тѣсно связано съ процвѣтаніемъ придворной эпической поэзіи, поэтому мы считаемъ нужнымъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній о послѣдней.

в. Придворный эпосъ.

Дѣятельность странствующихъ поэтовъ съ одной стороны и постепенно усиливавшееся вліяніе французской литературы и нравовъ заставили, наконецъ, и благородныхъ рыцарей заняться родной поэзіей. Они или приглашали къ своимъ дворамъ поэтовъ или сами сочиняли поэмы, при чемъ произведенія ихъ носятъ черты подражательности странствующимъ народнымъ поэтамъ: тотъ же метрическій размѣръ, таже риемованная проза въ рѣчахъ дѣйствующихъ лицъ, лишь построенная на болѣе прочныхъ основаніяхъ. Строфа теперь однако предназначается не только для пѣнія, но и для чтенія.

Придворные поэты называютъ свои произведенія книгами даже въ томъ случаѣ, если сами не умѣли писать, а лишь диктовали, какъ напр. Вольфрамъ фонъ-Эшенбахъ. Имена свои ставятъ въ самую тѣсную связь со своими книгами, желая тѣмъ показать, что онѣ явились продуктомъ ихъ собственнаго творчества, ихъ собственной фантазіи. Очень можетъ быть, что здѣсь вкроеется загадка той таинственности, какою окружено имя автора пѣсни о Нибелунгахъ. Ему не зачѣмъ было прикрѣплять своего имени къ своей поэмі, ибо всѣмъ было извѣстно, что ея содержаніе почерпнуто изъ пѣсенъ и небольшихъ поэмъ странствующихъ пѣвцовъ.

Начало XIII ст. можно назвать самымъ цвѣтущимъ временемъ придворной эпической поэзіи. Поэты заимствуютъ сюжеты изъ французскихъ источниковъ, откуда почерпаютъ рассказы объ Артурѣ и его кругломъ столѣ, о св. Гралѣ, о Тристанѣ и Изольдѣ. Они спѣшатъ угадать вкусъ времени, требовавшій чего

либо новаго, событій неслыханныхъ, облеченныхъ покровомъ таинственности и мистицизма, сопровождаемыхъ рыцарской отвагой. Общество требовало приключеній (*aventure*), ибо исторія, родныя сказанія, уже давно извѣстныя, надоѣли всѣмъ, а потому оно требовало романовъ, дававшихъ большую свободу фантазій ихъ авторамъ.

На это поприще литературной дѣятельности въ концѣ XII столѣтія выступили знаменитѣйшіе средневѣковые романтики: *Гартманъ фонъ-Ауэ* (писалъ между 1195—1210 г.), *Вольфрама фонъ-Эшенбаха* (1200—1215 г.) и *Готфрида Страсбургскій* (1210—1225 г.), образовавшіе каждый свою школу. Но еще раньше ихъ *Генрихъ фонъ-Вельдекъ* (1184—1188) достигъ высшей степени совершенства поэтического искусства, до него недостижимой, придавъ законченность стиху, поставилъ на твердую почву правила рѣзны, ввелъ разговорную форму рѣчи и смѣшалъ рассказъ съ лирическими изліяніями.

Позднѣе дѣятельности Генриха фонъ-Вельдекъ и раньше Вольфрама фонъ-Эшенбаха появляется національная поэма о Нибелунгахъ: въ ней усвоены уже всѣ успѣхи языка, стиля, рѣзны, единства дѣйствія и прочихъ поэтическихъ достоинствъ, доступныхъ лучшимъ изъ представителей придворной эпической поэзіи; между тѣмъ имя автора поэмы до сихъ поръ неизвѣстно.

Оставляя въ сторонѣ разъясненіе внутреннего строя нѣмецкаго національнаго эпоса, что повело бы насъ слишкомъ далеко, мы перейдемъ теперь къ обзору его объема.

4. Объемъ нѣмецкой эпической поэзіи.

Мы уже видѣли, что нѣмецкая эпическая поэзія развивалась на протяженіи болѣе тысячи лѣтъ. Въ этотъ огромный промежутокъ времени ей пришлось пережить нѣсколько столѣтій своего развитія, въ которомъ легко можно замѣтить три отдѣла, различающіеся между собой совершенствомъ формы, способомъ передачи и содержаніемъ эпическихъ произведеній. *Первый*—періодъ подготовительный; *второй*—цвѣтущаго состоянія національнаго эпоса; *третій*—періодъ эпической придворной поэзіи.

а) *Подготовительный періодъ.*

Онъ занимаетъ огромное пространство времени, отъ II-го до XII вѣка и въ немъ господствуетъ историческая пѣсня. Тацитъ говоритъ: 1) германцы въ своихъ старыхъ пѣсняхъ воспѣваютъ бога *Tiуско* и его сына *Манна*, какъ своихъ родоначальниковъ; 2) они поютъ пѣсни боевыя; 3) Германъ (Арминій), ихъ освободитель, былъ воспѣваемъ въ пѣсняхъ; все это и послужило началомъ исторической пѣсни, развивавшейся затѣмъ въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ.

Изъ болѣе раннихъ памятниковъ эпическаго творчества отъ этого отдаленнаго періода дошли до насъ слѣдующія поэмы:

Пѣсня о Гильдебрандѣ (Hildebrandslied) ¹⁾ изъ VIII ст. на ниже-нѣмецкомъ нарѣчій, записанная со словъ народа. Въ XV ст. она еще пѣлась въ народѣ и въ этомъ видѣ находится въ сборникѣ Уланда (Volkslieder). Въ томъ-же столѣтіи (1472 г.) ее обработалъ франкскій поэтъ, *Каспаръ фонъ-деръ-Ренз*, въ числѣ другихъ 11 поэмъ остготскаго цикла, составившихъ его книгу, такъ называемую *Heldenbuch*.

Пѣснь о Людовикѣ (Ludwigslied) ²⁾, составленная по поводу побѣды Людовика III надъ Норманнами въ 881 году при Соу-рѣ, изъ IX ст.

Три столѣтія затѣмъ остаются непродуктивными для эпической поэзіи: мысль общественная направлена была въ другую сторону; классическое образованіе оттѣснило на задній планъ все народное; церковные интересы заглушили все прочее, чѣмъ жилъ народъ; этотъ послѣдній предоставленъ былъ самому себѣ и объ его дѣятельности мы говорили уже раньше. Только въ XII ст., около 1125 г. на встрѣчу народу выступаетъ духовенство: его усилія готовятъ съ этого времени почву для искусственной рыцарской поэзіи, начавшейся около 1185 года. Въ этотъ промежутокъ пятидесяти лѣтъ авторами были по большей части люди

¹⁾ K. Gödeke, Deutsche Dichtung im Mittelalter. Dresden 1871²; W. Wackernagel, Deutsches Lesebuch. Basel 1873³.

²⁾ W. Wackernagel, DL. 1873³, стр. 281.

духовные; матеріаломъ служили сюжеты религіозные или событія, связанныя съ побѣдой христіанства надъ язычествомъ. Отправляясь отъ старыхъ евангельскихъ Гармоній *Tatiana* IX в., они захватываютъ область легендъ, сказаній и исторіи. Сюда принадлежать слѣдующія произведенія:

Обработка книгъ Моисея ¹⁾, какъ начало обширной міровой хроники; появилась она раньше 1122 года.

Императорская хроника ²⁾ (*Kaiserchronik*) содержитъ исторію, народныя сказанія и легенды.

Пѣснь о Роландѣ (*Rolandslied*) ³⁾ въ переводѣ съ французскаго языка священника Конрада около 1130 года. Рассказывается здѣсь о походѣ Карла Великаго противъ мусульманъ, Мавровъ, передается о трагической смерти Роланда въ слѣдствіе измѣны Ганелона.

Пѣснь объ Александрѣ Великомъ (*Alexanderlied*) ⁴⁾ въ переводѣ съ французскаго языка священника Лампрехта.

Король Ротеръ (*König Rother*) ⁵⁾ содержитъ приключенія этого короля и его сватовство за дочь императора Константина. Относится къ Ломбардскому циклу сказаній.

Графъ Рудольфъ (*Graf Rudolf*) ⁶⁾ передаетъ путешествіе въ Іерусалимъ, Асколонъ, Константинополь, сопровождаемое всевозможными приключеніями; составленъ между 1158 и 1173 г.; сохранился лишь отрывокъ. Какъ романъ „Графъ Рудольфъ“,

¹⁾ *W. Wackernagel*, DL. отрывокъ.

²⁾ Тамъ-же.

³⁾ *W. Grimm*, *Ruolandes liet*. Götting. 1838; *K. Bartsch*, *Das Rolandslied*, 1874 въ III-мъ томѣ *Deutsche Dichtungen des Mittelalters*; отрывокъ у *Wackernagel*, DL.

⁴⁾ *Weismann*, *Alexander*, *Gedicht des XII Jahrhunderts vom Pfaffen Lamprecht*. Текстъ и переводъ. Frankfurt a/M. 1850.

⁵⁾ *Massmann*, *Deutsche Gedichte des XII Jahrhunderts*. 1837 *H. Rückert*, *König Rother*. Lpz. 1872 въ I-мъ томѣ изданія *Barck*: *Deutsche Dichtungen des Mittelalters*.

⁶⁾ *W. Grimm*, *Graf Rudolf*, Göttingen 1828, 44²; объ исторической основѣ романа-статья *Zybel*'я въ *Z. f. d. A.* 2, 235.

такъ и слѣдующія два произведенія принадлежатъ къ такъ наз. византійско-палестинскому направленію.

Соломонъ и Морольфъ (Salomon und Morolf) ¹⁾ въ строфической формѣ со всѣми признаками поэзіи странствующихъ поэтовъ.

Орендель (Orendel): ²⁾ герой добываетъ себѣ жену въ св. землѣ и королевство св. Гроба; составленъ около 1190 г.

Герцогъ Эрнстъ (Herzog Ernst) ³⁾ передаетъ исторію Эрнста II Швабскаго, украшенную всевозможными вымыслами изъ крестовыхъ походовъ и восточныхъ сказаній; составленъ странствующими поэтами раньше 1186 г.

Вотъ эти произведенія, сохранившіяся до нашего времени, служили переходомъ отъ народнаго творчества, осложненнаго уже разнообразнымъ заимствованнымъ матеріаломъ, къ искусственному эпосу. Въ нихъ постепенно совершенствовался языкъ, приема, строфа и вообще улучшалось поэтическое искусство, подготовившее собою слѣдующій періодъ.

b) *Расцвѣтъ національнаго нѣмецкаго эпоса.*

Въ этомъ періодѣ возникли блестящія эпическія поэмы, въ которыхъ соединены результаты художественной техники, добытые предшествовавшими литераторами, съ продуктами безыскусственнаго народнаго творчества. Поэмы, о которыхъ рѣчь будетъ ниже, захватываютъ слѣдующія циклы сказаній ⁴⁾:

¹⁾ *F. Vogt*, Salomon u. Morolf, 1880; *А. Н. Веселовскій*, Соломонъ и Морольфъ, СПб. 1872.

²⁾ *V. d. Hagen*, Der ungenaechte graue Rock Christi, Berlin 1844; *Harkensee*, Untersuchungen über das Spielmannsgedicht Orendel Kiel 1879.

³⁾ *K. Bartsch*, Herzog Ernst. W. 1869; *L. Uhland*, Ueber die Sage vom Herzog Ernst въ V-мъ томѣ его Schriften zur Geschichte der Dichtung u. Sage. Stuttgart 1865 72.

⁴⁾ *Uhland's* Schriften zur Geschichte der Dichtung u. Sage, 1865—72. Томъ VII-ой: Sagengeschichte der germanischen u. roman. Völker.

Нижнерейнскія сказанія, центромъ которыхъ служатъ могучій Зигфридъ изъ Ксантена, извѣстный и съвернымъ сагамъ.

Верхнерейнскія или Бургундскія сказанія, главнымъ дѣйствующимъ лицомъ которыхъ слѣдуетъ считать прекрасную Кримгильду изъ Вормса (Гунтеръ и Брунгильда).

Остготскія сказанія съ Дитрихомъ Бернскимъ (Веронскимъ) во главѣ и со старымъ Гильдебрандомъ (Вѣльфингъ).

Гуннскія сказанія, связанныя съ именемъ Етцеля (Аттила) и съ центромъ дѣйствія на нижнемъ Дунаѣ (Рюдигеръ).

Ломбардскія сказанія съ Ротеромъ и Ортнитомъ въ центрѣ, углубляющіяся своимъ дѣйствіемъ далеко на востокъ.

Съверныя сказанія изъ жизни приморскихъ обитателей, Фризовъ, съ главнымъ лицомъ Гудруной изъ рода Гегелинговъ. Приведенные циклы сказаній сохранились не въ устахъ народа, но въ старыхъ поэмахъ, по большей части нѣсколько разъ переработанныхъ, авторы которыхъ намъ неизвѣстны. Поэмы эти слѣдующія:

1) *Пѣснь о Нибелунгахъ* (das Nibelungenlied) ¹⁾—въ ней слиты первые четыре цикла и сверхъ того она захватываетъ въ первой своей половинѣ первобытныя мифическія сказанія съ одной стороны, съ другой же развивается въ формѣ и духѣ позднѣйшей образованной рыцарской жизни. Отдѣльные эпизоды ея существовали безъ сомнѣнія среди народа въ видѣ пѣсенъ въ своихъ самобытныхъ формахъ, подобно героическимъ сказаніямъ грековъ. Свой нынѣшній законченный, обработанный видъ поэма получила въ началѣ XIII вѣка; но кто былъ ея авторомъ, пока еще не рѣшено нѣмецкой наукой. Во всякомъ случаѣ это долженъ былъ быть человекъ высоко даровитый, образованный и знакомый съ тогдашней придворной поэзіей. Различныя рукописи, сохранившія для насъ пѣснь о Нибелунгахъ разнятся между собою какъ въ подробностяхъ, такъ и въ цѣломъ своемъ

¹⁾ *Fr. Zarncke*, Das Nibelungenlied, Leipzig 1875; *R. v. Muth*, Einleitung in das Nibelungenlied, Paderborn 1877. Какъ у Царнке, такъ и у Мута приведена обширная литература по изученію пѣсни о Нибелунгахъ и нѣмецкаго эпоса вообще.

объемѣ и числомъ строфъ. Содержаніе этой знаменитной и важной въ историко-литературномъ отношеніи поэмы таково.

Содержаніе пѣсни о Нибелунгахъ.

Авентюры I—V.

Въ Бургундіи росла дѣвица Кримгильда, прекраснѣйшая во всѣхъ земляхъ. Три королевича, ея братья, заботились о ней, Гунтеръ, Гернотъ и молодой Гизельгеръ. Могущественно властвовали они на Рейнѣ въ Вормсѣ; смѣлые витязи служили имъ: Гагенъ изъ Тронегэ и братъ его Данквартъ, маршалъ; племянникъ ихъ Ортвинъ изъ Метца: Гере и Эккевартъ, два маркграфа; Фолькеръ изъ Альцей, шпильманъ; Синдольтъ, виночерпій; Гунольтъ, камергеръ и Румольтъ, экономъ.

Живя въ такомъ почетѣ, Кримгильда видитъ во снѣ, какъ два орла схватили прекраснаго сокола, котораго она годовала. Утѣ, мать ея, толкуетъ ей сонъ такъ, что соколъ, ею воспитанный, есть ея благородный мужъ, котораго она должна рано потерять. Но Кримгильда желаетъ остаться на всегда безъ любви мужа. Многіе сватаются за нее, но напрасно. Тогда слышитъ про ея чудную красоту Зигфридъ, сынъ короля Зигмунда и Зигелинды въ Сантенѣ въ Нидерландахъ. Уже въ своей ранней юности онъ совершилъ чудеса своей рукой; онъ добылъ сокровище Нибелунговъ, мечъ Бальмунгъ и шапку невидимку, убилъ дракона, и выкушался въ его крови, чрезъ что кожа его сдѣлалась непроницаемой, превратившись въ роговую. Самъ-двѣнадцать ѣдетъ онъ теперь свататься за Кримгильду, напрасно предостерегаемый родителями о высокоуміи бургундскихъ витязей.

Въ богатомъ вооруженіи ѣдетъ онъ въ Вормсъ ко двору и вызываетъ короля Гунтера на битву; но мысль о Кримгильдѣ укрощаетъ его и онъ остается тамъ мирно жить цѣлый годъ, однако не видитъ ее. Но она украдкой смотритъ чрезъ окно, когда онъ бросаетъ на дворъ камень или пускаетъ стрѣлу. Зигфридъ идетъ сражаться за Гунтера противъ Людегера, короля Саксонскаго и брата его Людегаста Датскаго и беретъ обонхъ въ плѣнъ. Когда вѣстникъ сообщаетъ Кримгильдѣ о томъ, что Зигфридъ от-

личился передъ всѣми, прекрасное лице ея покрылось алымъ румянцемъ; она приказываетъ богато наградить вѣстника. Гунтеръ устраиваетъ для своихъ витязей великолѣпный пиръ, на которомъ Зигфридъ долженъ увидѣть Кримгильду, ибо короли желаютъ навсегда удержать его при себѣ. Подобно розовому утру, выходящему изъ-за облаковъ, появляется красавица; подобно мѣсяцу передъ звѣздами блистаетъ она передъ всѣми женщинами, слѣдовавшими за ней; служители съ мечами въ рукахъ выступали впереди ея. Она привѣтствуетъ героя и подходитъ къ нему; никогда еще ни въ прекрасные дни лѣта, ни въ чудные дни мая не чувствовалъ онъ себя столь счастливымъ.

Авентюры VI—XIX.

Далеко за моремъ, въ Исландіи живетъ прекрасная королева, Брунгильда. Кто добивается ея любви, долженъ побѣдить ее въ трехъ играхъ: въ метаніи копья, въ бросаніи камня и въ прыжкѣ; если соискатель хоть одинъ разъ остается побѣжденнымъ, теряетъ голову. Объ ней-то и думаетъ король Гунтеръ и обѣщаетъ свою сестру смѣлому Зигфриду, если тотъ поможетъ ему добыть Брунгильду. Съ Гагеномъ и Данквартомъ садятся они на небольшой корабль и сами правятъ рулемъ. При благоприятномъ вѣтрѣ они спускаются внизъ по Рейну въ море. На двѣнадцатое утро приѣзжаютъ они къ замку Изенштейнъ; Брунгильда стояла въ это время со своими женщинами у окна. Когда витязи вступили на сушу, Зигфридъ держитъ коня королю съ тѣмъ, чтобы его сочли за слугу послѣдняго. Они ѣдутъ въ замокъ, Зигфридъ и Гунтеръ на бѣлоснѣжныхъ коняхъ и въ такихъ же одеждахъ, Гагенъ и Данквартъ въ платьяхъ цвѣта воронова крыла. Брунгильда привѣтствуетъ Зигфрида раньше короля. Устраиваются затѣмъ игры; въ своей шапкѣ невидимѣ стоитъ Зигфридъ возлѣ Гунтера; онъ беретъ на себя исполненіе игръ, король будетъ лишь подражать его тѣлодвиженіямъ. Брунгильда засучиваетъ рукава, беретъ щитъ, который съ трудомъ принесли четыре служителя, копье такой же тяжести и бросаетъ его въ щитъ Гунтера съ такою силой, что остріе пробиваетъ щитъ и ви-

тязи спотыкаются. Но еще сильнѣе бросаетъ Зигфридъ копье обратнымъ концомъ.

Камень, который съ трудомъ принесли двѣнадцать человѣкъ, бросаетъ она на двѣнадцать локтей и прыгаетъ еще дальше того въ звенящемъ вооруженіи; но Зигфридъ бросаетъ камень еще дальше, еще дальше прыгаетъ, перенося съ собой и короля. Съ гнѣвомъ признаетъ Брунгильда себя побѣжденной и приказываетъ своимъ витязямъ присягнуть Гунтеру. На Рейнѣ же соглашается она лишь тогда послѣдовать за Гунтеромъ, когда соберетъ предварительно всѣхъ своихъ друзей. Пренебрегая всѣми опасностями, тайно отплываетъ Зигфридъ въ страну Нибелунговъ, гдѣ у него хранилось огромное сокровище; тамъ испытываетъ онъ въ борьбѣ великана, охранявшаго замокъ и карлика Альбериха, который смотрѣлъ за кладомъ; потомъ выбираетъ тысячу самыхъ лучшихъ витязей изъ Нибелунговъ, обязанныхъ служить ему и съ ними возвращается въ Изенштейнъ. Теперь увозятъ они Брунгильду и въ Вормсѣ ее съ почетомъ встрѣчаютъ. Въ одинъ и тотъ же день совершается свадьба Гунтера съ Брунгильдой и Зигфрида съ Кримгильдой. Но Брунгильда заплакала, когда увидѣла, что Кримгильда во время пира сѣла возлѣ Зигфрида, будто бы потому, что ей жаль сестры короля, отданной замужъ за вассала, а во время брачной ночи отказалась сдѣлаться женою Гунтера, желая прежде съ точностью узнать, какъ все это случилось.

Она защищается противъ насилія Гунтера, связываетъ его поясомъ по рукамъ и ногамъ и вѣшаетъ на гвоздь на стѣну на всю ночь. На слѣдующее утро Зигфридъ замѣчаетъ печаль короля, тотчасъ догадывается о причинѣ ея и обѣщаетъ помочь ему справиться съ женой. На слѣдующую ночь въ своей шапкѣ невидимѣй входитъ онъ въ комнату Гунтера, сильно борется съ Брунгильдой и заставляетъ ее уступить королю. Кольцо, незамѣтно снятое имъ съ ея пальца, и поясъ ея онъ беретъ съ собою. Вскорѣ затѣмъ увозитъ онъ Кримгильду въ свое отечество въ Сантенъ, гдѣ отецъ его передалъ ему корону. Такъ прошло десять лѣтъ, а Брунгильда все думаетъ, почему Зигфридъ не является изъ своей земли для исполненія обязанностей вассала. Она убѣждаетъ Гунтера пригласить друга и сестру въ большому празд-

нику во время предстоящаго солнцеворота. И вотъ старый Зигмундъ ѣдетъ съ ними въ Вормсъ. При приѣмѣ смотритъ Брунгильда пристально на Кримгильду, удивляясь какъ ея свѣжій цвѣтъ лица сіяетъ подъ лучами солнца. Въ праздничномъ веселіи протекаетъ десять дней. На одиннадцатый къ вечеру, когда на дворѣ затѣвается рыцарская игра, сидятъ вмѣстѣ двѣ королевы. Тогда хвалится Кримгильда своимъ Зигфридомъ, говоря, что онъ ходитъ лучше всѣхъ витязей; Брунгильда возражаетъ, что, не смотря на это, онъ меньше, какъ вассалъ Гунтера.

Такъ оскорбляютъ онѣ другъ друга обидными словами и когда вечеромъ всѣ идутъ къ вечернѣ въ соборъ, каждая изъ нихъ идетъ съ особой свитой своихъ дамъ, хотя прежде всегда шли вмѣстѣ. Брунгильда приказываетъ Кримгильдѣ, какъ женѣ вассала, стоять позади; тогда Кримгильда бросаетъ ей въ лице упрекъ, что она лишь наложница Зигфрида, который лишилъ ея дѣвства, и съ этими словами входитъ въ соборъ впереди плачущей королевы. Послѣ богослуженія ожидаетъ Брунгильда передъ соборомъ и требуетъ отъ Кримгильды доказательствъ ея словъ. Кримгильда показываетъ кольцо и поясъ, которые взялъ съ собою Зигфридъ, и снова плачетъ королева. Напрасно клянется Зигфридъ въ кругу бургундовъ, что онъ не любилъ Брунгильды. Гагенъ даетъ обѣтъ отомстить за ея слезы Зигфриду и идетъ посоветоваться съ королевой объ убійствѣ. Тогда посылаются ложные вѣстники, которые являются въ Вормсъ съ извѣстіемъ, будто-бы Людегеръ и Людегастъ, освобожденные на слово чести, объявляютъ новую войну бургундскимъ князьямъ. Зигфридъ, вѣрно служившій всегда своимъ друзьямъ, тотчасъ вызывается отправиться на войну вмѣсто нихъ. Когда войско готово къ выступленію, прощается Гагенъ съ Кримгильдой. Она рассказываетъ въ томъ, что оскорбила Брунгильду и проситъ его оберегать въ битвѣ жизнь Зигфрида.

Поэтому она довѣряетъ ему тайну, что Зигфрида можно ранить въ одномъ только мѣстѣ, между плечъ, тамъ гдѣ на него упалъ липовый листъ въ то время, когда онъ купался въ крови дракона. Чтобы обозначить это мѣсто, она, по совѣту Гагена, нашиваетъ на платье мужа небольшой крестъ. Гагенъ радуется

удавшейся хитрости и едва Зигфридъ выступилъ въ походъ, являются другіе послы съ вѣстью о мирѣ. Неохотно возвращается Зигфридъ назадъ; но вмѣсто похода устраивается охота въ Васгенвальдѣ (Вогезы) на кабановъ, медвѣдей и зубровъ. Съ чрезмѣрнымъ плачемъ отпускаетъ Кримгильда мужа. Ей снилось, будто два дивихъ вепря гнались за нимъ по лѣсу и цвѣты были красны отъ его крови, будто двѣ горы упали на него, и она больше его уже не видѣла. Съ Гунтеромъ, Гагеномъ и большою свитой охотниковъ ѣдетъ Зигфридъ въ лѣсъ. Гернотъ и Гизельгеръ остаются дома. Множество коней, нагруженныхъ съѣстными припасами, переправляется черезъ Рейнъ на лугъ передъ лѣсомъ. Соучастники охоты разлучаются, чтобы видѣть, кто изъ нихъ самый лучшій охотникъ. Зигфридъ беретъ съ собой одного лишь стараго охотника съ одной ищейкой; ни одинъ звѣрь не уходитъ отъ него, и горы и лѣсъ проходитъ онъ насквозь и отличается передъ всѣми. Уже подали сигналъ къ отдыху, когда Зигфридъ подымалъ медвѣдя. Онъ соскакиваетъ съ лошади, бѣжитъ вслѣдъ за звѣремъ, ловить его и привязываетъ къ своему сѣдлу. Такъ ѣдетъ онъ къ мѣсту, гдѣ былъ разведенъ огонь; прекрасно его охотничье платье, могучъ его лукъ, который только онъ одинъ въ состояніи натянуть, богатъ его колчанъ, изъ золота его рогъ. Сойдя съ лошади, онъ пускаетъ на волю медвѣдя, который, преслѣдуемый собаками, устремляется черезъ кухонные приборы, опрокидываетъ котлы и жаровни, но наконецъ Зигфридъ догоняетъ его и убиваетъ мечемъ. Охотники принимаются за пиршество; кушаній довольно, но напитковъ мало. Гагенъ говоритъ, что ему казалось, будто охота будетъ сегодня въ Спессартѣ, туда онъ и отправилъ вина. Но здѣсь вблизи есть холодный источникъ, замѣчаетъ онъ. Онъ подговариваетъ Зигфрида бѣжать туда съ нимъ въ запуски. Они снимаютъ платье, Зигфридъ ложится къ ногамъ Гагена, чтобы дать тому впередъ нѣсколько шаговъ. Подобно двумъ пантерамъ стремятся они по дятловинѣ, и Зигфридъ во всемъ своемъ вооруженіи достигаетъ источника первый. Однако онъ не пьетъ прежде, чѣмъ напился король. Когда же онъ наклонился къ источнику, Гагенъ схватываетъ копье, которое Зигфридъ прислонилъ къ липѣ и поражаетъ имъ героя въ томъ

мѣстѣ, гдѣ былъ нашитъ крестъ, такъ что его кровь брызжетъ на платье убійцы.

Сдѣлавъ это, Гагенъ бѣжитъ, какъ еще никогда ни передъ кѣмъ не убѣгалъ; Зигфридъ вскакиваетъ, копье осталось у него въ ранѣ, онъ схватываетъ щитъ, ибо мечъ и лукъ унесъ съ собою Гагенъ; онъ спѣшитъ вслѣдъ за убійцей и щитомъ повергаетъ его на землю. Но тутъ силы измѣняютъ герою, онъ блѣднѣетъ, и, обливаясь кровью, подаетъ на цѣвѣты, проклиная измѣнниковъ, которые такъ низко отплатили ему за его вѣрность, и, поручая Кримгильду братьямъ, борется въ предсмертныхъ мученіяхъ. Ночью перевозятъ они трупъ черезъ Рейнъ; Гагенъ приказываетъ положить его передъ дверью Кримгильды. Когда зазвонили ко всенощной, камердинеръ приходитъ и видитъ облитый кровью трупъ, но не узнаетъ его. Онъ сообщаетъ объ этомъ Кримгильдѣ, собиравшейся идти въ соборъ со своими дамами и та, не видя еще мужа, догадывается, что это онъ; какъ подкошенная падаетъ она на землю и кровь льется у нея изо рта. Зовутъ сюда стараго Зигмунда; замокъ и городъ наполняются воплями. Утромъ выставляютъ трупъ на носилкахъ въ соборѣ. Туда приходятъ Гунтеръ и злой Гагенъ. Король рыдаетъ: „Разбойники“, говоритъ онъ, „убили героя“. Кримгильда приказываетъ имъ подойти къ носилкамъ, если они желаютъ показать себя невинными; тогда при приближеніи Гагена течетъ кровь изъ раны мертваго. Три дня и три ночи остается Кримгильда при немъ: она надѣется, что смерть возьметъ и ее туда-же. Дароприношенія и молитвенное пѣніе за его душу не прекращаются во все это время ни на минуту. Когда затѣмъ понесли Зигфрида къ могилѣ, приказываетъ Кримгильда снова открыть гробъ, еще разъ поднимаетъ его прекрасную голову своими бѣлыми руками, цѣлуетъ мертваго и изъ ея глазъ текутъ кровавыя слезы. Нерадостно возвращается король Зигмундъ на родину, Кримгильда приказываетъ построить себѣ жилище возлѣ собора, откуда она ежедневно ходитъ на могилу своего такъ рано погибшаго мужа. Три съ половиною года не говоритъ она ни слова съ Гунтеромъ, а врага своего Гагена не видитъ ни разу. Но Гагенъ стремится добыть владѣ Нибелунговъ и ему необходимо примириться съ

Кримгильдой и вотъ Герноту и Гизельгеру удается довести сестру до того, что она, хотя въ слезахъ, здоровається съ Гунтеромъ; затѣмъ ее убѣждаютъ приказать перевезти сюда кладъ, ея свадебный подарокъ отъ Зигфрида. Когда же она щедро раздаетъ золото, Гагенъ изъ опасенія, что этимъ она пріобрѣтаетъ себѣ приверженцевъ, отнимаетъ у нея ключи, и когда она жалуется на такое насиліе, онъ потопляетъ все ея сокровище въ Рейнѣ.

Авентюры XX—XXXVIII.

Тринадцать лѣтъ прожила Кримгильда вдовою. Тогда умираетъ Гелькэ, жена могущественнаго короля гунновъ, Этцеля. Ему посовѣтовали посвататься за благородную Кримгильду, и онъ шлетъ за ней маркграфа Рюдигера съ большою свитой. Король вѣдь въ Вормсѣ нравится это сватовство, но Гагенъ не совѣтуетъ. Сама Кримгильда долго противится: ей остается лишь плакать, а не выходить замужъ. Лишь когда Рюдигеръ переговорилъ съ ней наединѣ и поклялся мстить за всякое оскорбленіе, причиненное ей, въ ней возрождается надежда отомстить за смерть Зигфрида, и она отдаетъ свою руку. Она ѣдетъ съ послами въ сопровожденіи своихъ дѣвушекъ и маркграфа Эккеварта, по желавшаго служить ей со всей своей дружиной до конца жизни. Путь ихъ лежитъ черезъ Пассау, гдѣ епископъ Пильgrimъ, братъ ея матери, принимаетъ ее хорошо, потомъ черезъ Пехларнъ, гдѣ она мимоѣздомъ навѣщаетъ гостепріимный домъ Рюдигера. При Тульнѣ встрѣчаетъ ее король Этцель со всѣми князьями, какіе ему служили ¹⁾, невѣрными и христіанами. Свадьба была отпразднована въ Вѣнѣ, а въ Мизенбургѣ (теперь Визельбургъ) садятся они на судна на Дунай; суднами собранными здѣсь и палатками разбитыми на нихъ, рѣка была такъ покрыта, что казалось превратилась въ сушу. Такимъ образомъ они приходятъ въ Этцельнбургъ, гдѣ Кримгильда съ тѣхъ поръ съ достоин-

¹⁾ Въ свитѣ кор. Этцеля были между прочимъ русскіе и изъ страны Кіева: (von Riuzen., von dem lande u. z. Kiewen.. авент. XXII).

ствомъ и занимала мѣсто Гелькэ. У нея рождается сынъ, названный Ортлибомъ. Но даже тринадцать лѣтъ такой почетной жизни не изгладили изъ ея воспоминанія перенесеннаго когда-то горя; она постоянно думаетъ, какъ бы отомстить за него. И вотъ она начинаетъ жаловаться мужу, что ее считаютъ за безродную, ибо ея родные еще ни разу не навѣстили ее. Она убѣждаетъ мужа пригласить ея братьевъ на праздникъ въ будущему солнцевороту. Вербель и Свеммель, шпильманы короля, были отпращиваны въ качествѣ пословъ и Кримгильда приказываетъ имъ непременно пригласить и Гагена, который будто-бы одинъ только знаетъ путь сюда. Король Гунтеръ совѣщается со своими братьями и дружиной на счетъ этого посольства. Гагенъ, помня объ убійствѣ, не совѣтуетъ ѣхать; но когда Гернотъ и Гизельгеръ упрекаютъ его въ трусости, онъ гнѣвно соглашается, совѣтуетъ однако ѣхать туда съ цѣлымъ войскомъ. Румольтъ, экономъ даетъ совѣтъ остаться здѣсь, гдѣ такой роскошный столъ и прекрасныя женщины. Когда они готовы уже къ отъѣзду, мать королей, Утэ видитъ страшный сонъ, будто всѣ птицы, въ странѣ вымерли. Съ дружиной въ тысячу шестьдесятъ человѣкъ, сверхъ того съ тысячею нибелунговъ и съ девятью тысячами служилыхъ людей поднимаются короли; черезъ восточную Франконію направляются они къ Дунаю, впереди всѣхъ ѣдетъ Гагенъ. Рѣка вздулась, не видать ни одного судна. Гагенъ въ полномъ вооруженіи ходитъ по берегу отыскивая перевозчика. Вдругъ онъ слышитъ шумъ въ водѣ и видитъ въ прекрасномъ источникѣ купаются русалки (водяныя женщины). Онъ подрадается къ нимъ, но онѣ, замѣтивъ его, убѣгаютъ и исчезаютъ, подобно птицамъ, въ волнахъ. Однако онъ захватилъ ихъ платье и одна изъ нихъ, Гадебурга обѣщаетъ ему, если онъ возвратитъ платье, предсказать исходъ путешествія, Дѣйствительно она говоритъ, что поѣздка въ землю Этцеля будетъ благополучной. Когда затѣмъ платья были отданы, другая Зиглинда совѣтуетъ теперь же вернуться, въ противномъ случаѣ всѣ они погибнутъ среди гунновъ, лишь королевскій капелланъ возвратится назадъ; сверхъ того онѣ указываютъ, какъ ему переправиться черезъ рѣку, если онъ желаетъ продолжать путь. По ту сторону рѣки живетъ перевозчикъ баварскаго марк-

графа Эльзе; громко кричитъ Гагенъ и называетъ себя Амелърихомъ, именемъ человѣка, служившаго у маркграфа; высоко поднявъ на копѣѣ золотое кольцо, онъ предлагаетъ его вмѣсто платы за перевозъ. Перевозчикъ приближается, но замѣтивъ, что онъ обманутъ, ударяетъ Гагена весломъ, когда тотъ не отступалъ отъ лодки. Гагенъ хватается за мечъ и отрубаетъ перевозчику голову. Затѣмъ приводитъ судно съ дымящеюся еще кровью въ своимъ господамъ и самъ перевозитъ войско, работая весломъ цѣлый день; лошади переправляются вѣлавъ. Но капеллана, склонившагося надъ святыней, выбрасываетъ Гагенъ изъ судна и, когда тотъ пытается плыть, гнѣвно толкаетъ его во дну и все таки священникъ невредимо добирается до берега. Тамъ стоитъ онъ и отрахиваетъ свое платье. Гагенъ видитъ, что предсказаніе русалокъ должно совершиться неизбѣжно; онъ ломаетъ судно въ куски и бросаетъ ихъ въ волны, съ тѣмъ чтобы, какъ онъ замѣчаетъ, ни одинъ трусъ не могъ бѣжать. Вскорѣ затѣмъ сообщаетъ онъ витязямъ ихъ судьбу, предъ которой многіе изъ нихъ блѣднѣютъ. Далѣе ѣдутъ они черезъ Баварію, даже по ночамъ. Фольверъ ѣдетъ впереди съ военными значками. Гагенъ со своей дружиной и братомъ своимъ Данквартомъ разумно командуетъ аріергардомъ. На него нападаютъ Гельфратъ и Эльзе съ семьями человѣкъ, желая наказать его за смерть перевозчика. При свѣтѣ луны поднимается страшная сѣча. Гельфартъ падаетъ отъ меча Данкварта, а Эльзе убѣгается. Баварцевъ остается на мѣстѣ сто, бургундовъ лишь четыре. Своимъ господамъ, которые между тѣмъ уѣхали уже далеко, Гагенъ не сообщаетъ ничего про битву, не желая ихъ беспокоить. Лишь когда солнце выглянуло изъ-за горъ, видитъ Гунтеръ оружіе, покрытое кровью и узнаетъ, какъ доблестно Гагенъ охранялъ ихъ. Чересъ Пассау приходятъ они къ маркѣ Рюдигера и находятъ самого оберегателя спящимъ. Это былъ Эккевартъ, ушедшій съ Кримгильдой. Гагенъ беретъ у него мечъ; пристыженный такой небрежной охраной, онъ принимаетъ мечъ назадъ и предостерегаетъ героевъ. Въ Пехляриѣ они гостепріимно приняты Рюдигеромъ и его женою, Готелиндой. Прекрасная дочь хозяина обручена съ Гизельгеромъ; всѣ уходятъ отсюда одаренные подарками: король Гунтеръ

получаетъ военное одѣяніе, Гернотъ мечъ, Гагенъ дорогой щитъ Нудунга, смерть котораго оплакиваетъ Готелинда, Данквартъ праздничное одѣяніе, Фольверъ, который на прощанье играетъ на скрипкѣ и поетъ, получаетъ двѣнадцать золотыхъ колецъ, которыя онъ долженъ носить при дворѣ Этцеля въ честь маркграфини. Самъ Рюдигеръ сопровождаетъ героевъ на праздникъ съ пятьюстами челоѣкъ. Дитрихъ Бернсвій, живущій у гунновъ, ѣдетъ со своими амелунгами на встрѣчу гостямъ. Онъ такъ-же предостерегаетъ ихъ, говоря, что королева все еще каждое утро плачетъ о Зигфридѣ. Между тѣмъ Кримгильда стоитъ у окна и смотритъ въ ту сторону, откуда ѣдутъ ея родные, радуясь близкой мести. Когда бургунды въѣзжаютъ на дворъ, всякій спрашиваетъ, кто изъ нихъ Гагенъ, убившій могучаго Зигфрида.

Герой большого роста, съ широкой грудью и длинными ногами; полусѣдые волосы, страшный взглядъ, величественная походка отличаютъ его. Прежде всего Кримгильда цѣлуетъ Гизельгера; когда Гагенъ видитъ, что она дѣлаетъ различіе въ привѣтѣ, онъ крѣпко подвязываетъ свой шлемъ. Ею она спрашиваетъ о владѣ nibелунговъ; Гагенъ отвѣчаетъ, что ему достаточно было тяжести нести щитъ и латы, шлемъ и мечъ. Видя, что герои не желаютъ снять своего вооруженія, Кримгильда догадывается, что ихъ предостерегли; она грозитъ смертью тому, кто это сдѣлалъ. Гнѣвно замѣчаетъ Дитрихъ, что это онъ предостерегъ ихъ. На ночь Гагенъ избираетъ себѣ товарищемъ для стражи Фольвера. Они въ двоимъ лишь ходятъ по двору и садятся на скамью противъ комнаты Кримгильды. Королева видитъ ихъ черезъ окно, плачетъ и умоляетъ витязей Этцеля отомстить Гагену. Шестдесятъ изъ нихъ вооружаются; когда это число кажется имъ недостаточнымъ, вооружается ихъ четыреста. Съ короной на головѣ спускается она по лѣстницѣ въ сопровожденіи этого отряда. Высокомѣрный Гагенъ кладетъ себѣ на колѣни блестящій мечъ, на рукояткѣ котораго сверкаетъ ясписъ, зеленѣе травы; Кримгильда тотчасъ же узнаетъ, что это мечъ Зигфрида. Фольверъ такъ-же положилъ возлѣ себя смычокъ, крѣпкій и длинный, похожій на мечъ. Смѣло сидятъ они тамъ и ни одинъ изъ нихъ не встаетъ, когда королева проходитъ у самыхъ ихъ ногъ. Она

бросаетъ Гагену въ лицо упрекъ, что онъ убилъ ея мужа; „да“, громко говоритъ Гагенъ, „я это сдѣлалъ, пусть мститъ мнѣ за то, кто хочеть!“ Гунны переглядываются и отступаютъ, боясь смерти. Между тѣмъ король Этцель, ничего не зная объ этомъ, принимаетъ и угощаетъ героевъ самымъ лучшимъ образомъ. На ночь имъ предоставили огромный залъ, гдѣ были приготовлены широкія постели. Гагенъ и Фольверъ стоятъ на стражѣ передъ домомъ. Фольверъ снимаетъ щитъ съ руки, беретъ скрипку и садится на камень передъ дверью. Струны дрожатъ такъ, что звуки раздаются по всему дому; онѣ звучатъ все мягче и слаще, пока всѣ, исполненные заботъ, засыпаютъ. Въ полночь блестятъ въ темнотѣ шлемы, это—вооруженные люди, посланные Кримгильдой; но когда они замѣтили, что дверь хорошо охраняется, возвратились назадъ, преслѣдуемые сильной бранью Фольвера. Утромъ, когда зазвонили къ обѣднѣ, приказываетъ Гагенъ своимъ спутникамъ вмѣсто шелковыхъ рубашекъ надѣть панцири, вмѣсто верхняго платья—щиты, вмѣсто вѣнцовъ—шлемы, вмѣсто розъ—мечи. Этцель спрашиваетъ, не оскорбилъ ли ихъ кто либо. Гагенъ отвѣчаетъ, что это обычай его господъ при всякомъ праздникѣ три дня ходить вооруженными.

Изъ высочайшаго они не сообщаютъ королю своего подозрѣнія. Послѣ обѣдни начинаются рыцарскія игры; Дитрихъ запрягаетъ своимъ витяземъ принимать участіе въ нихъ; такъ-же и Рюдигеръ удерживаетъ своихъ, видя что бургунды не довольны. Одинъ гуннъ, разряженный какъ бы подъ вѣнецъ, возбуждая восторгъ женщинъ, выѣзжаетъ на арену; Фольверъ прокалываетъ его мечомъ насквозь. Родственники гунна хватаются за оружіе, такъ что самому Этцелю приходится примирять ссору: онъ вырываетъ мечъ изъ рукъ одного и отталкиваетъ въ сторону другого. Прежде чѣмъ сѣсть за столъ, Кримгильда старается склонить на свою сторону Дитриха; но тотъ отказывается помогать ей въ дѣлѣ измѣны ея кровнымъ роднымъ. Болѣе склоннымъ находитъ она Блѣделя, брата Этцеля, которому обѣщаетъ марку убитаго Нудунга и его прекрасную невѣсту. Съ тысячею вооруженныхъ онъ враждебно подступаетъ къ дому, гдѣ Даневартъ маршалъ кушаетъ со служилыми людьми. Послѣ короткаго об-

мѣна словъ вскакиваетъ Даневартъ изъ-за стола и наноситъ ему такой ударъ мечемъ, что его голова покатила на землю. „Это свадебный подарокъ невѣстѣ Нудунга“, говоритъ онъ, и злая сѣча поднимается послѣ этого. У кого изъ людей не было меча, тѣ схватываются за стулья. Половина гунновъ перебита; другіе въ числѣ двухъ тысячъ человѣкъ приходятъ имъ на смѣну и продолжаютъ битву до тѣхъ поръ, пока всѣ до одного служилые люди были перебиты. Одинъ Даневартъ прорубается въ залу, гдѣ были его господа.

Въ этотъ моментъ маленькій сынъ Этцеля, Ортлибъ былъ принесенъ ко столу, за которымъ пировали его дяди. Даневартъ врывается въ залъ съ обнаженнымъ мечомъ, вся его одежда обли-та гуннской кровью. Громкимъ голосомъ сообщаетъ онъ объ избіеніи бургундскихъ людей. Гагенъ привазываетъ ему охранять дверь, чтобы ни одинъ гуннъ не смѣлъ войти въ залъ, и затѣмъ ударяетъ мальчика Ортлиба мечомъ такеъ, что его голова упала на колѣни королевѣ. Воспитателю ребенка онъ также отрубаетъ голову, а шильману Вербелю въ награду за посольство отсѣкаетъ правую руку. Такъ продолжаетъ онъ свирѣпствовать въ залѣ. Также у Фолькера громко звучитъ его смѣчекъ, лице его покраснѣло и пѣсни его теперь раздаются по щитамъ и шлемамъ. Онъ запираетъ изнутри дверь, между тѣмъ какъ Даневартъ оберегаетъ лѣстницу снаружи. Рейнскіе короли стараются сперва уклониться отъ битвы; но когда это оказывается невозможнымъ, сами сражаются геройски. Кримгильда умоляетъ Дитриха о помощи. Герой вскакиваетъ на столъ и, давая знакъ рукой, кричитъ зычнымъ голосомъ, раздающимся подобно призывному рогу. Гунтеръ въ бурѣ битвы слышитъ этотъ зовъ и приказываетъ прекратить сѣчу. Дитрихъ требуетъ, чтобы его со всей его дружиной мирно выпустили изъ дома. Гунтеръ соглашается на это. Тогда Дитрихъ беретъ подъ руку королеву, по другую сторону ведетъ Этцеля и за нимъ выходятъ шестьсотъ его витезей.

Также Рюдигеръ съ пятьюстами своихъ безпрепятственно очищаетъ залъ. Но одному гунну, желавшему выйти вмѣстѣ съ Этцелемъ, Фолькеръ отрубаетъ голову. Всѣ гунны, бывшіе

въ залѣ, истреблены, а трупы ихъ выброшены на лѣстницу. Передъ домомъ стоитъ много тысячъ гунновъ, Гагенъ и Фолькеръ издѣваются надъ ихъ трусостью; напрасно предлагаетъ королева щить, полный золота вмѣстѣ съ замками и землею тому, кто принесетъ ей голову Гагена. При дворѣ Этцеля живетъ Гавартъ Датскій вмѣстѣ со своимъ маркграфомъ Ирингомъ и ландграфомъ Ирифридомъ Тюрингенскимъ. Ирингъ прежде всѣхъ хвастается, что одолѣетъ Гагена. Тогда вооружаются также Гавартъ и Ирифридъ съ тысячею человѣкъ. Но Ирингъ умоляетъ, чтобы ему одному позволили сражаться, какъ онъ хвалился. Приерываясь щитомъ, устремляется онъ въ залъ, бросается то въ одну, то въ другую сторону и получаетъ отъ Гизельгера такой сильный ударъ, что, обливаясь кровью, падаетъ на землю; затѣмъ вскакиваетъ опять и, убивъ четырехъ бургундовъ и ранивъ Гагена черезъ шлемъ, убѣгаетъ къ своимъ. Кримгильда благодаритъ его и сама снимаетъ у него съ руки щить. Но Гагенъ смѣется и говоритъ, что эта рана разожгла лишь его гнѣвъ на убійства. Вторично спѣшить въ битву Ирингъ, тогда Гагенъ бросаетъ въ него копье съ такою силой, что лишь рукоятка выдается у него изъ головы; тутъ онъ и умеръ. Мстителями за его смерть выступаютъ Гавартъ и Ирифридъ со своими отрядами; но и они падаютъ отъ мечей бургундовъ со всѣми своими людьми, которымъ по совѣту Фолькера позволяютъ проникнуть въ залъ, гдѣ они и погибаютъ. Теперь водворяется тишина, кровь течетъ черезъ всѣ отверстія и сточные жолоба, бургунды отдыхаютъ, сидя на трупахъ. Но къ вечеру собираются еще двадцать тысячъ гунновъ и до ночи кипитъ жестокий бой. Тогда короли пытаются достигнуть примиренія. Кримгильда требуетъ прежде всего, чтобы ей выдали Гагена, но тѣ съ презрѣніемъ отвергаютъ подобное вѣроломство. Получивъ отказъ, Кримгильда приказываетъ оставить героев однихъ въ залѣ и зажечь ее со всѣхъ четырехъ концовъ, и при вѣтрѣ скоро загорается весь домъ. Огонь густымъ пламенемъ падаетъ на бургундовъ, они приерываются щитами и затапываютъ головы въ крови. Дымъ и нестерпимая жара мучаютъ ихъ; терзаемые жаждой они по примѣру Гагена пьютъ кровь изъ ранъ убитыхъ; теперь она вкуснѣе вина. Къ утру

остается все-таки еще шестьсотъ человѣкъ бургундовъ въ крайнемъ удивленію Кримгильды. Въмѣсто утренняго привѣта встрѣчаютъ ихъ новой битвой и Кримгильда приказываетъ вынести на щитахъ золото въ награду сражающимся. Маркграфъ Рюдигеръ приходитъ и видитъ крайнее истощеніе на обѣихъ сторонахъ. Его упрекаютъ, что онъ до сихъ поръ еще не нанесъ ни одного удара въ этой борьбѣ, не смотря на то, что пользуется отъ короля землями и людьми.

Этцель и Кримгильда падаютъ къ его ногамъ и умоляютъ о помощи; первый обѣщаетъ сдѣлать его королемъ на ряду съ собой, вторая напоминаетъ ему о клятвѣ, когда-то имъ данной, что онъ будетъ мстить за всякое ея оскорбленіе. Рюдигеръ колеблется: онъ вѣдь сопровождалъ сюда бургундовъ, онъ угощалъ ихъ въ своемъ домѣ, онъ просваталъ имъ свою дочь и надѣлилъ ихъ всѣхъ подарками, земли и замки, все, что получилъ онъ отъ короля, просить теперь взять у него обратно, пѣшимъ готовъ онъ выступить на встрѣчу бѣдности и горю, лишь бы только не нарушить закона гостепріимства. Онъ хорошо знаетъ, что еще сегодня смерть лишитъ его всего и чувствуетъ въ то же время, что долженъ исполнить то, въ чемъ клялся. Жену и дѣтей поручаетъ онъ повелителю и приказываетъ своей дружинѣ приготовиться къ бою. Видя это Кримгильда отъ радости плачетъ, а Гизельгеръ, замѣтивъ приближающагося тестя своего съ дружиной, радуется, думая, что тотъ идетъ къ нимъ на помощь. Но Рюдигеръ опускаетъ щитъ къ ногамъ и отказываетъ бургундамъ въ дружбѣ. Напрасно напоминаютъ они ему о гостепріимствѣ и вѣрности, и ему хотѣлось бы, чтобы они были теперь на Рейнѣ, а самому пасть гдѣ либо въ честномъ бою, но при всемъ томъ битва неизбежна. Уже поднимаются щиты, но вдругъ Гагенъ требуетъ еще одного: щитъ, полученный имъ отъ Готелинды, порубленъ, и онъ проситъ у Рюдигера его щитъ, и это былъ послѣдній даръ мягкаго мареграфа. У многихъ глаза покраснѣли отъ горячихъ слезъ и какъ ни былъ золъ Гагенъ, его трогаетъ этотъ великодушный подарокъ. Онъ и его товарищъ Фолькеръ клянутся не трогать въ битвѣ Рюдигера, а Фолькеръ показываетъ золотыя кольца, которыя подарила ему на пирѣ

юная мареграфиня. Тутъ подсказываетъ Рюдигеръ со своими людьми, ихъ пускаютъ въ залъ, страшно звучать внутри мечи. Тогда замѣчаетъ Гернотъ, какъ много пало уже его витязей подъ ударами мареграфа, и онъ устремляется въ битву съ нимъ. Уже много смертельныхъ ранъ получилъ онъ, когда и самъ нанесъ Рюдигеру смертельный ударъ мечемъ, полученнымъ отъ него-же. Оба падаютъ мертвыми, пораженные рукою другъ друга. Бургунды учиняютъ страшную месть, ни одинъ изъ людей Рюдигера не остается въ живыхъ. Когда затихаетъ въ залѣ шумъ битвы, Кримгильда думаетъ, что Рюдигеръ заключилъ перемиріе, между тѣмъ его выносятъ мертвымъ. Страшный вопль поднимаютъ какъ женщины, такъ и мужчины; подобно голосу льва раздается жалобный зовъ Этцеля. Витязи Дитриха, услышавъ эти громкіе стоны, сообщаютъ своему повелителю: „должно быть король или сама королева погибли“. Дитрихъ все-таки напоминаетъ своимъ героямъ, что онъ связанъ дружбой съ гостями и Вольфгартъ хочетъ идти туда узнать, въ чемъ дѣло; но Дитрихъ, боясь необузданнаго характера Вольфгарта, посылаетъ туда Гельфриха, и этотъ приносить вѣсть, что Рюдигеръ погибъ со всей своей дружиной.

Недовольствуясь тѣмъ, Дитрихъ желаетъ точнѣе узнать отъ бургундовъ, что случилось, и посылаетъ къ нимъ стараго Гильдебранда. Когда этотъ собирается уходить, Вольфгартъ порицаетъ его, почему онъ идетъ безъ оружія и такимъ образомъ будетъ осмѣяннымъ. Тогда вооружается мудрый витязь, слѣдуя неразумному совѣту; за нимъ вооружаются всѣ витязи Дитриха безъ его однако вѣдома и слѣдуютъ за его наставникомъ. Гильдебрандъ спрашиваетъ бургундовъ, и Гагенъ подтверждаетъ смерть Рюдигера. Слезы катятся изъ глазъ витязей Дитриха и падаютъ на ихъ бороды. Вольфгартъ совѣтуетъ не долго плакать. „Они вынесутъ его лишь изъ дому“, возражаетъ Фольверъ, „вотъ и вся ихъ услуга“. Дерзкими рѣчами раздражаютъ они другъ друга: Вольфгартъ готовъ броситься въ залъ, но Гильдебрандъ крѣпко его удерживаетъ, напоминая о запрещеніи Дитриха. „Спусти львовъ“ шутитъ Фольверъ. Тогда устремляется Вольфгартъ большими прыжками въ залу; гнѣвно слѣдуютъ за нимъ всѣ веронцы.

Старый наставникъ желаетъ не допустить ихъ до битвы и спѣшить вслѣдъ за ними до самой лѣстницы. Начинается жестокий бой. Фолькеръ убиваетъ племянника Дитриха, Сигестаба, Гильдебрандъ поражаетъ Фолькера, Гельфрихъ—Данкварта, Вольфгартъ и Гизельгеръ падаютъ отъ руки другъ друга. Въ живыхъ остаются лишь Гунтеръ и Гагенъ, да изъ веронцевъ Гильдебрандъ; онъ убѣжалъ съ тяжелой раной отъ руки Гагена.

Обливаясь кровью, приходитъ онъ къ своему господину, сидѣвшему печально у окна. Дитрихъ спрашиваетъ: „откуда кровь“? Наставникъ рассказываетъ, какъ они хотѣли унести тѣло Рюдигера, убитаго Гернотомъ. Дитрихъ убѣждается теперь въ смерти Рюдигера и самъ желаетъ идти на мѣсто битвы и призываетъ черезъ наставника вооружиться всѣмъ витязямъ. „Съ еѣмъ ты хочешь идти“, спрашиваетъ Гильдебрандъ; „все, что есть живаго, стоитъ передъ тобой“. Съ ужасомъ узнаетъ Веронецъ Дитрихъ о гибели всей своей дружины. Нѣкогда могущественный король теперь превратился въ бѣднаго Дитриха. Кто поможетъ ему теперь возвратиться въ свою землю? Какъ жаль, что никто не можетъ умереть отъ горя, жалуется онъ. По всему дому раздаются его стоны. Тогда онъ самъ отыскиваетъ свое военное одѣяніе, наставникъ помогаетъ ему вооружиться. Дитрихъ идетъ въ Гунтеру и Гагену, указываетъ имъ, какое они причинили ему горе и требуетъ возмездія: они должны отдаться ему въ качествѣ заложниковъ, тогда онъ самъ будетъ ихъ сопровождать на родину. Но по мнѣнію Гагена было-бы позоромъ, еслибы два, способныхъ къ самозащитѣ витязя сдались одному. Уже раньше, видя приближеніе Веронца, Гагенъ вызвался бороться съ нимъ одинъ на одинъ. Теперь Дитрихъ напоминаетъ ему объ этомъ, и они устремляются въ битву. Дитрихъ наноситъ противнику глубокую рану, но не желаетъ убить утомленнаго. Онъ выбиваетъ у него изъ рукъ щитъ, обхватываетъ его руками, такимъ образомъ онъ одолеваетъ его, связываетъ и ведетъ къ королевѣ. Послѣ тяжелаго горя это было для нея большимъ утѣшеніемъ. Дитрихъ требуетъ однако, чтобы она оставила плѣнника въ живыхъ. Тогда возвращается онъ къ Гунтеру; послѣ жаркаго боя связываетъ онъ и этого и передаетъ Крим-

гильдѣ съ условіемъ пощады. И вотъ она идетъ сперва въ темницу Гагена и общаетъ ему жизнь, если онъ возвратитъ ей то, что отнялъ у нея. Гагенъ объявляетъ, что онъ поклялся никому не показывать, гдѣ скрытъ кладъ до тѣхъ поръ, пока хоть одинъ изъ его повелителей еще живъ. Тогда Кримгильда приказываетъ отрубить голову брату и за волосы приносить ее къ Гагену. Теперь лишь одинъ онъ знаетъ, гдѣ находится кладъ: „никогда, говоритъ онъ, не узнаешь ты, гдѣ спрятанъ кладъ“. Тутъ она поднимаетъ мечъ обѣими руками, мечъ, принадлежавшій нѣкогда Зигфриду, и отрубаетъ голову Гагену. Старый Гильдебрандъ, негодую, что женщина убила такого смѣлаго витязя, гнѣвно подсакиваетъ къ ней; крики ея не помогаютъ ей, тяжелымъ ударомъ меча разрубаетъ онъ ее на куски. Такъ погибла вся слава, печалью кончился праздникъ, такъ и всякая радость превратится въ скорбь въ день страшнаго суда.

Въ своемъ изложеніи пѣсни о Нибелунгахъ мы преслѣдовали цѣль не литературную, но научную; намъ желательно было передать всѣ мотивы сказанія, всѣ разнообразныя черты какъ быта того времени, такъ и психики дѣйствующихъ лицъ. Языкъ и стиль поэмы не поддаются передать, но возможная полнота внутренняго склада самого сказанія необходимы въ нашемъ изложеніи для пониманія дальнѣйшаго научнаго анализа, въ которому намъ современемъ придется перейти.

2) *Вторая поэма* національнаго нѣмецкаго эпоса — *Плачъ* (die Klage) примыкаетъ къ пѣснѣ о Нибелунгахъ и описываетъ событія, послѣдовавшія за поражениемъ бургундовъ: очищеніе зала, гдѣ произошло избіеніе ихъ, причитанія надъ убитыми, посольства съ печальными вѣстями въ Бехеларенъ, въ Пассау къ епископу Пильгриму и въ Вормсъ; вообще содержаніе поэмы — печаль и плачъ.

3) *Кудруна* (Kudrun) ¹⁾ составлена изъ пѣсенъ странствующихъ поэтовъ между 1201—1227 въ подражаніе пѣснѣ о Ни-

¹⁾ *E. Martin*, Kudrun 1872 во II-мъ томѣ, Germanistische Handbibliothek, изданной Zacher'омъ; *W. Wilmanns*, Die Entwicke-

белунгахъ. Содержаніе ея таково: Кудруна, дочь короля фризовъ, Геттеля и Гильды Ирландской, просватана за короля Гервига изъ Зеландіи; но ее увозитъ Гартмутъ, сынъ норманнскаго короля Людвига и хочетъ на ней жениться. Однако Кудруна при всѣхъ оскорбленіяхъ, какія ей приходится переносить особенно со стороны старой королевы Герлинды, матери Гартмута, остается вѣрной своему первому жениху, который, наконецъ, вмѣстѣ съ ея братомъ Ортвиномъ освобождаетъ ее изъ плѣна и вмѣстѣ съ нею увозитъ и ея подругу, Гильдебургу. Все кончается благополучно: Гервигъ женится на Кудрунѣ, Ортвинъ на Гильдебургѣ.

4) *Большой Розенартенъ* (der grosse Rosengarten) ¹⁾ изъ XIV ст., составленъ также изъ народныхъ сказаній и пѣсенъ. Содержаніе его: Кримгильда, дочь короля Гибиха въ Вормсѣ, владѣетъ прекраснымъ садомъ розъ; для защиты его поставлено 12 богатырей, въ томъ числѣ и Зигфридъ. Кто побѣдитъ этихъ богатырей, тому подчинится Гибихъ. По предложенію Этцеля отправляется въ Вормсъ Дитрихъ Бернскій съ одиннадцатью другими витязями. Одинъ изъ нихъ монахъ Исланъ, братъ стараго Гильдебранда, взятъ изъ монастыря (характеръ чисто народный). Каждый изъ этихъ героев побѣждаетъ своего противника и получаетъ отъ Кримгильды вѣночекъ и поцѣлуй. Нѣкоторые pojediny подробно описаны, въ особенности борьба Ислана съ Фольверомъ.

5) *Битва при Равеннѣ* (die Schlacht von Ravenna или die Rabenschlacht) ²⁾ также не раньше XIV ст. составлена изъ хорошихъ народныхъ пѣсенъ. Дитрихъ Бернскій выступаетъ здѣсь съ войскомъ противъ своего дяди Эрменриха, лишившаго его наслѣдственныхъ владѣній. Два сына Этцеля, гостившіе въ это время у Дитриха, помимо его воли слѣдуютъ тайкомъ за

lung der Kudrundichtung (VIII. 275) Halle 1873; *Кирпичниковъ*, Кудруна, національная нѣмецкая поэма. Харьковъ 1874. Литература о Кудрунѣ вообще очень обширна.

¹⁾ *W. Grimm*, Der Rosengarten. Göttingen 1836.

²⁾ *E. Martin*, Deutsches Heldenbuch, II, Rabenschlacht, 1866.*

войскомъ и по дорогѣ ихъ убиваетъ могучій Виттихъ. Между тѣмъ Дитрихъ, побѣдивъ своего врага при Равеннѣ, узнаетъ о смерти своихъ гостей, за жизнь которыхъ онъ отвѣчаетъ передъ Этцелемъ и его женой, и устремляется на Виттиха. Тотъ обращается въ бѣгство, проситъ своего коня спѣшить поскорѣе, обѣщая ему хорошій уходъ и много корма. Когда между витязями было разстояніе не болѣе одного скова лошади, Виттихъ добѣжалъ до моря и исчезъ въ его волнахъ, принятый подъ защиту своей родоначальницы, русалки моря по имени Вахильты. Затѣмъ описывается всеобщая скорбь о смерти сыновей Этцеля. Лишь заступничество Рюдигера возвращаетъ Дитриху прежнюю милость короля гунновъ.

6) *Выѣздъ Эккена* (Eggen-Lied или Ekke) ¹⁾ примыкаетъ къ сказанію о Дитрихѣ изъ XIII или XIV ст. Рассказывается здѣсь о великомъ Эккенѣ. Онъ выѣзжаетъ съ цѣлью встрѣтиться съ знаменитымъ Дитрихомъ Бернскимъ. Послѣ цѣлаго ряда поѣздокъ происходитъ встрѣча, три поединка и смерть Эккена.

7) *Сигенотъ* (Sigenot) ²⁾ не большая, но хорошая поэма. Великанъ Сигенотъ побѣждаетъ Дитриха; освобождаетъ его Гильдебрандъ.

8) *Гольдемаръ* (Goldemar) ³⁾, сохранилось лишь начало.

9) *Виргиналь* (Virginal или Dietrichs Drachenkämpfe) ⁴⁾ изъ XIV ст. описываетъ борьбу Дитриха съ дракономъ. Содержание вообще очень разнообразно.

10) *Смерть Альфарта* (Alpharts Tod) ⁵⁾ передаетъ смерть одного изъ героев Дитриха. Относится къ лучшимъ нѣмецкимъ поэмамъ и составлена около 1200 года.

Послѣднія восемь поэмъ написаны испорченной строфой Нибелунговъ, къ нимъ примыкаютъ еще слѣдующія три съ изложениемъ въ характерѣ народной пѣсни:

¹⁾ Deutsches Heldenbuch, Bd. V, 1870; *Zingerle*, Die Heimat der Eckensteine in Germanien, I, 1856.

²⁾ Deutsches Heldenbuch, Bd. V, 1870.

³⁾ Haupt's Zeitschrift f. d. Alterthum VI, 520.

⁴⁾ V. d. Hagen, Heldenbuch 1855; *Zupitza*, Deutsches Heldenbuch, Bd. V, 1870.

⁵⁾ Deutsches Heldenbuch, Bd. II, 1866.

11) *Ортнитъ* или Отнитъ (Ortnit) ¹⁾ рассказываетъ о королѣ лангобардовъ Отнитѣ. Онъ съ помощью Эльбериха, повелителя варликовъ, добываетъ себѣ невѣсту изъ Сиріи и затѣмъ погибаетъ въ борьбѣ съ драконами, присланными въ его страну тестемъ его. Въ этой поэмѣ встрѣчается имя русскаго богатыря, Ильи. Изъ Ломбардіи, города Гартена (Гарда) Отнитъ со своими богатырями идетъ сперва въ Мессину, затѣмъ въ Сундерсъ (Судерсъ), главный городъ невѣрныхъ, гдѣ передъ всѣми отличался Илья, князь русскій (König von Reussen), дядя Отнита, какъ ревностный истребитель язычниковъ.

Поэма эта изъ XIII ст. и принадлежитъ въ Ломбардскимъ сказаніямъ, въ ней замѣтно вліяніе крестовыхъ походовъ.

12) *Гудитрихъ* (Hugdietrich) ²⁾, король Константинополя переодѣвается въ платье женщины и является ко двору короля Фессалоникъ, дочь котораго рождаетъ отъ него сына, Вольфдитриха.

13) *Вольфдитрихъ* (Wolfdietrich) ³⁾ служитъ продолженіемъ предыдущей поэмы. Описываются здѣсь разныя поѣздки, между прочимъ въ Іерусалимъ, битвы, умерщвленіе драконовъ убившихъ Ортнита, на вдовѣ котораго женится герой, кончающій свои дни въ монастырѣ.

Слѣдующія поэмы излагаются не въ строфической формѣ, а римованной прозой; онѣ носятъ черты испорченности и огрубленія вкуса.

14) *Битерольфъ и Дитлейбъ* (Biterolf und Dietleib) ⁴⁾ составлена около 1225 года. Описываетъ турниръ при дворѣ Атилы. Дитрихъ стоитъ во главѣ гуннскихъ витазей, Зигфридъ помогаетъ бургундамъ.

¹⁾ Deutsches Heldenbuch, Bd. III, 1871; въ переводѣ у Simrock'a, Das Heldenbuch, Bd. III. 1844.

²⁾ Deutsches Heldenbuch, Bd. IV, 1873; *Кирпичниковъ*, поэмы ломбардскаго цикла, СПб. 1873; А. Н. Васеловскій, Разысканія въ области рус. духовнаго стиха III—V, СПб. 1882.

³⁾ Holzmänn, Der grosse Wolfdietrich, Heidelberg 1855.

⁴⁾ Deutsches Heldenbuch, Bd. I, 1867.

15) *Дитрихъ и Венецланъ* (Dietrich und Wenezlan) ¹⁾ изъ половины XIII ст. описываетъ поединокъ Дитриха съ королемъ польскимъ.

16) *Блѣство Дитриха* (Dietrichs Flucht или *daz buoch von Berne*) ²⁾, поэма, обработанная Генрихомъ Фоглеромъ въ XIII ст., рассказываетъ о предѣлахъ Дитриха и объ его бѣгствѣ къ гуннамъ отъ своего дяди Эрменриха, лишившаго его наслѣдства.

17) *Лауринъ* или *Лауринъ* (Luagin) ³⁾, называемый также *малымъ Розенартеномъ*, обработанъ въ XIII ст. Генрихомъ фонъ-Офтердингенемъ и передаетъ приключенія Дитриха въ тирольскимъ саду розъ и борьбу его съ Лауриномъ, королемъ карликовъ.

18) *Народная книга о роювомъ Зигфридѣ* (Volksbuch vom Gehörnten Siegfried) ⁴⁾ въ прозаическомъ видѣ отъ XIII или XIV ст. передаетъ содержаніе двухъ народныхъ пѣсень: *Lied vom Hürnänen Sifrid* и *Lied von Sifrieds Hochzeit*, послѣдняя потеряна. Однако передѣлыватель говорить, будто свой матеріалъ почерпнулъ изъ французскихъ источниковъ и вмѣсто имени *Grîmhild* употребляетъ романское *Florigunde*.

19) *Вальтеръ и Гильдегунда* (Walther und Hildegund) ⁵⁾, снова передѣливается на нѣмецкій языкъ въ XIII ст. изъ латинской обработки X ст., принадлежащей Геральду и Эккегарду; отъ нея сохранились лишь отрывки. Рассказъ связываетъ имя Атилы съ Бургундами, но Зигфридъ не принимаетъ участія въ событіяхъ.

Всѣ эти девятнадцать поэмъ составляютъ вмѣстѣ съ пѣснью о Гильдебрандѣ изъ VIII ст. содержаніе нѣмецкаго націо-

¹⁾ Deutsches Heldenbuch, Bd. V. 1870.

²⁾ Deutsches Heldenbuch, Bd. II, 1866.

³⁾ Deutsches Heldenbuch, Bd. I, 1867. Пересказъ, какъ и другихъ поэмъ у *K. Goedeke*, *Deutsche Dichtung im Mittelalter* Dresden, 1871², 515—523.

⁴⁾ *Jos. Görres*, *Die deutschen Volksbücher*, 1807.

⁵⁾ Haupt's Zeitschrift. f. d. Alterthum, II, 217.

нальнаго эпоса: оно группируется главнымъ образомъ около трехъ героическихъ родовъ; собирательными центрами являются *Нибелунги*, *Гегелинги* и *Алелунги*.

Нибелунги собираютъ вокругъ себя такъ называемыя Рейнско-бургундскія сказанія, переданныя въ слѣдующихъ четырехъ поэмахъ: 1) *Валтеръ и Гильдемунда* (въ латинскомъ и нѣмецкомъ изложеніяхъ); 2) *Роговой Зигфридъ*; 3) *Пѣснь о Нибелунгахъ* и 4) *Плачъ*.

Сказанія о *Гегелингахъ* воспроизведены въ поэмѣ *Кидруна*, и обнимаютъ три поколѣнія этого героическаго рода: Гагена Ирландскаго, Горанда и Гильды и Гудруны.

Самыя обширныя сказанія развились около рода *Амелунговъ*, упоминаніе о которыхъ мы находили уже у Юрнанда. Они принадлежатъ такъ называемому Готскому циклу; центромъ ихъ надо считать Дитриха Бернскаго. Сюда принадлежатъ всѣ остальные изъ перечисленныхъ нами поэмъ.

Во всемъ этомъ запутанномъ матеріалѣ сказочнаго элемента больше, чѣмъ пѣсенно-историческаго. Видно, что фантазія средневѣковаго передѣлывателя стремилась исказить все то, что носило характеръ возможнаго, историческаго, бытоваго разсказа. Иногда отдѣльная фраза, одно лишь имя наводитъ на мысль, что разсказицу было извѣстно то или другое сказаніе, принадлежащее другому народу, другому кругу эпическихъ повѣствованій.

Скандинавская передача нѣмецкихъ сказаній. Главное содержаніе нѣмецкаго эпоса распространилось не только въ Германіи, но такъ же и на Скандинавскомъ сѣверѣ. Такимъ образомъ германскій эпосъ распадается на двѣ группы: нѣмецкую и скандинавскую ¹⁾. Происходя изъ одного и того же источника,

¹⁾ Литература скандинавскаго эпоса чрезвычайно обширна и такъ какъ мы касаемся его мимоходомъ, то укажемъ лишь немногія работы: August Raasmann, Die deutsche Heldensage u. ihre Heimath, 2 тома 1863; K. Maurer, Ueber die Norwegische Auffassung d. Nordisch. Literatur-Geschichte (Zeitschrift f. deutsche Philologie, I, 1869; Д. Батюшковъ, Сага о Финябогѣ Сильномъ. СПб. 1885. (Жур. М. Н. Пр. 2—6);

обѣ эти группы въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи пошли по разнымъ путямъ и въ дошедшемъ до насъ своемъ видѣ существеннымъ образомъ отличаются другъ отъ друга. Скандинавскія сказанія сохранили большедревнихъ чертъ, идущихъ изъ временъ языческихъ, между тѣмъ какъ нѣмецкая группа преданій переродилась подъ вліяніемъ романскихъ литературъ. Удержавъ строже характеръ древности, скандинавскія саги служатъ необходимымъ пособіемъ при объясненіи первобытныхъ формъ нѣмецкаго эпоса. Поэтому намъ кажется вполне уместнымъ, не выходя за предѣлы своей задачи, указать, по крайней мѣрѣ, на тѣ скандинавскія произведенія, которыя ближе другихъ примыкаютъ къ содержанію нѣмецкой народной поэзіи. Изъ нихъ особенно важны слѣдующія:

Героическія пѣсни старшей или *Самундовой Эдды*; въ своемъ нынѣшнемъ видѣ она, по большей части, принадлежитъ VIII столѣтію ¹⁾.

Прозаическая младшая или *Сноррова Эдда*, руководство сѣверной поэзіи, которую, по крайней мѣрѣ, отчасти приписываютъ исландцу *Снорро Стурлусону*, жившему между 1178 — 1241. Она представляетъ въ извлеченіяхъ изъ старыхъ пѣсней и сказаній обзоръ скандинавской мифологіи и героическихъ разсказовъ, родственныхъ нѣмецкимъ.

Вёльсунга-Сага составлена, по всей вѣроятности, въ началѣ XIII ст. въ прозаической передачѣ старыхъ пѣсней. Она весьма важна для объясненія нѣмецкаго эпоса, представляя смѣсь мифологическихъ и историческихъ элементовъ въ большей полнотѣ.

Вилькина-Сага составлена около 1250 года, передаетъ сказаніе о Дитрихѣ Бернскомъ.

Норнлеттсз-Сага, по всей вѣроятности, изъ XIV ст. передаетъ исторію Сигурда (Зигфрида), убійцы Фафнира.

Народныя пѣсни о Сигурдѣ и его родѣ, сохранявшіяся на Фарерскихъ островахъ; онѣ еще въ настоящее время поются тамъ

F. Horn, Geschichte der Litteratur des Scandinavischen Nordens. Lpz. 1880.

¹⁾ W. Grimm. Heldensage. 1829. 4.

во время танцевъ. Пѣсни о немъ встрѣчаются такъ же въ Даніи и Норвегіи.

Вопросъ о переходѣ на скандинавскій сѣверъ нѣмецкихъ народныхъ сказаній чрезвычайно запутанъ; приблизительно принимаютъ половину IX столѣтія за время, когда всего вѣроятнѣе первобытныя народныя пѣсни изъ Германіи проникли на сѣверъ и смѣшались съ тамошними мѣстными гимнами. Какъ бы то ни было, но форма и характеръ сѣверныхъ сагъ существеннымъ образомъ отклоняются отъ изложенія нѣмецкихъ поэмъ. Не принимая на себя задачу представить подробную характеристику тѣхъ и другихъ сказаній, мы для полноты нашего очерка сдѣлаемъ обзоръ придворной эпической поэзіи, возникшей одновременно съ поэмами національнаго эпоса и въ дальнѣйшей своей литературной судьбѣ тѣсно связанной съ послѣдними.

3. Придворная эпическая поэзія.

Этотъ отдѣлъ обнимаетъ произведенія рыцарской литературы отъ конца XII в. до первой четверти XIV столѣтія. Рыцарская литература въ этотъ промежутокъ времени достигла своего высшаго развитія, пережила затѣмъ моментъ постепеннаго паденія и, наконецъ, совершенно сошла со сцены.

Сюда принадлежатъ поэмы, разрабатывающія три большіе романтическіе цикла сказаній: о *Карлѣ Великомъ*, о *королѣ Артурѣ* и *св. Граалѣ*. Сказанія эти коренятся въ романскихъ и англосаксонскихъ народныхъ преданіяхъ, затѣмъ перенесены были на средневѣковую рыцарскую жизнь вообще и придали дѣлому литературному направленію особый эстетическій и бытовой колоритъ, обозначаемый понятіемъ романтической поэзіи.

Сказанія о Карлѣ Великомъ, какъ о рыцарѣ и защитникѣ христіанства, принадлежатъ собственно Франціи, гдѣ вокругъ этого имени собрался весь Каролингскій эпосъ. Главнымъ героемъ

поэтическихъ произведеній этого рода служить рыцарь Роландъ, павшій въ битвѣ при Ронсеваллѣ ¹⁾.

Король Артуръ, представитель Британскихъ героевъ, боровшихся противъ невѣрныхъ англовъ и савсовъ. Онъ превратился въ идеальнаго національнаго короля и рыцаря; къ его двору собирались выдающіеся рыцари всего свѣта. По совѣту чародѣя *Мерлина* устроилъ онъ круглый мраморный столъ; верругъ него сажались самые знаменитые рыцари, числомъ отъ 40 до 50 чело-вѣкъ. (Первоначально лишь двѣнадцать, соотвѣтствуя числу апо-столовъ). Поэтому герои Артура назывались рыцарями Круглаго Стола. Одно мѣсто за столомъ оставалось постоянно свободнымъ. Когда однажды его хотѣлъ занять непривзванный, то былъ по-глощенъ землею ²⁾.

Въ тѣсной связи со сказаніями о рыцаряхъ Круглаго сто-ла стоятъ произведенія о св. Гралѣ. Св. Граль (сосудъ, блюдо, *sangnis regalis*)—чудная, таинственная святыня, сохраняемая на горѣ Монсальваръ (*mons salvatoris*). Королевство при св. Гралѣ считается высшей цѣлью, къ какой можетъ стремиться могучій и благородный рыцарь.

Отдѣльныя сказанія объ этомъ сосудѣ различаются между собою въ передачѣ подробностей. Онѣ сообщаютъ, будто бы камень изъ короны Люцифера упалъ на землю. Какой то невѣрный сдѣлалъ изъ него блюдо, доставшееся сперва Соломону отъ царицы Савы, затѣмъ перешедшее въ собственность Никодима, который во время тайной вечери поставилъ его передъ Спасителемъ. Наконецъ

¹⁾ *G. Paris*, Histoire poétique de Charlemagne. Paris 1865; *L. Gautier*, Les Épopées françaises, 4 vol. 1878²—1882; *Pio Pajna*, Le origini dell'epopea francese, Firenze. 1884; *C. Niro*, Storia dell'epopea francese nel medio evo, Firenze, 1886. Въ послѣднемъ сочиненіи приведена обширная литература предмета (стр. 393—478).

²⁾ *Th. de la Villemarqué*, Contes populaires des anciens Bretons précédés d'un essai sur l'origine des épopées chevaleresques de la table ronde. Paris 1842; *San-Marte*, Die Arthussage u. die Märchen des rothen Buchs von Hergest. 1842; *Ad. Holtzmann*, Artus въ Germania XII, стр. 257—84, за 1868 годъ.

Іосифъ Аримаѣейскій собралъ въ него св. Кровь, когда Христосъ былъ на крестѣ.

Вольфрамъ фонъ-Эшенбахъ, главный нѣмецкій пѣвецъ св. Граля, окружилъ всѣ эти преданія священною таинственностью и старался въ своихъ произведеніяхъ развивать религіозно-нравственное содержаніе, страннымъ и непонятнымъ образомъ переплетая различныя сказанія ²⁾.

Кромѣ помянутыхъ сюжетовъ поэмы рыцарской литературы разрабатываютъ матеріалы изъ классической древности: событія Троянской войны, приключенія Энея и Александра Великаго; затѣмъ легенды и сказки, принадлежащія къ животному эпосу.

Выдающимися представителями придворной литературы этого отдѣла могутъ быть названы:

Генрихъ фонъ-Вельдекъ, написавшій *Энеиду* между 1184—1188 годомъ. Его считаютъ отцемъ поэзіи миннезенгеровъ. Это былъ вестфальскій рыцарь, жившій при дворахъ Клеверскомъ и Тюрингенскомъ.

Гартманъ фонъ-деръ-Ауэ, швабскій рыцарь, принималъ участіе въ крестовомъ походѣ Фридриха I. Высшимъ періодомъ его авторской дѣятельности принимается промежутокъ времени между 1195 — 1210. Написалъ онъ *Эрекъ и Энита*, *Ивейнъ*, *Блудный Генрихъ*, *св. Георгій* и *пѣсни*. Произведенія его достигаютъ высокой поэтической законченности.

Вольфрамъ фонъ-Эшенбахъ, баварскій рыцарь, былъ главнымъ пѣвцомъ св. Граля; цвѣтущимъ временемъ его дѣятельности считаются года: 1200 — 1215. Серьезныя и глубокія мысли, высказанныя имъ, ставятъ его во главу всего духовнаго развитія тогдашней поэтической дѣятельности. Съ особеннымъ вниманіемъ останавливался онъ на внутренней жизни души и на условіяхъ ея просвѣтленія. Форма его произведеній часто тяжела и изложеніе темно. Лучшими его произведеніями слѣдуетъ считать

²⁾ *Birch-Hirschfeld*, die Sage vom Gral, 1877; *E. Martin*, Zur Gralsage, 1880; *Дашкевичъ*, Св. Граль 1877 и много другихъ работъ.

Парсиваля, затѣмъ *Титуреля*, *Вильгельма Оранскаго* и потомъ *пѣсни*.

Готфридъ Страсбургскій былъ уже городскимъ пѣвцомъ, почему и называли его „*Meister*“. Временемъ его творчества были года: 1210—1225. По своей формѣ и содержанію его произведенія составляютъ противовѣсъ поэмамъ Вольфрама фонъ-Эшенбаха: форма ихъ легка и прозрачна, содержаніе—чувственное наслажденіе и свѣтская жизнь, полная непостоянства и измѣны. Кромѣ пѣсней написалъ онъ еще поэму *Тристанъ и Изольда*, примыкающую своимъ содержаніемъ къ сказаніямъ объ Артурѣ ¹⁾.

Четыре упомянутыхъ поэта считаются свѣтилами придворной рыцарской поэзіи: это такъ называемые представители средневѣковыхъ миннезенгеровъ, поднявшіе поэтическое искусство до небывалой еще высоты совершенства. Послѣдовавшіе за ними поэты могутъ быть названы ихъ эпигонами: они не въ состояніи удержать поэзіи на подобающей высотѣ и вскорѣ замѣтны уже признаки паденія искусства. Высокопоэтическія поэмы, какъ пѣснь о Нибелунгахъ и Кудруна, такъ и рыцарскіе романы переходятъ затѣмъ въ прозаическія хроники или же передѣлываются и расходятся въ прозаическихъ народныхъ книгахъ.

Въ концѣ среднихъ вѣковъ воспоминаніе о старыхъ эпическихъ поэмахъ, повидимому, пробуждается: дѣлается попытка ихъ снова переработать и придать имъ форму строфы, приспособленной къ пѣнію. Такъ *Каспаръ фонъ-деръ-Рёна* обработалъ въ 1472 году одиннадцать поэмъ остготскаго цикла сказаній въ формѣ строфы, называемой „*Hildebrandston*“ и возникшей изъ строфы Нибелунговъ. Однако переработка эта успѣха не имѣла, такъ какъ потребности времени перемѣнились. Эпическая поэзія уступила мѣсто *сатирѣ* и *аллегоріи*. Потребностямъ общества болѣе соотвѣтствовали произведенія въ родѣ „*das Narrenschiff*“ Бранта (1494 г.), гдѣ выставлены болѣе ста разныхъ типовъ глупцовъ; въ пер-

¹⁾ W. Scherer, Geschichte der deutschen Litteratur, 1884²; W. Wackernagel, Geschichte d. deutschen Litteratur, 1879²; W. Golther, Die Sage von Tristan u. Isolde. München 1887.

вый годъ своего появленія книга была четыре раза напечатана и послужила даже матеріаломъ для церковныхъ проповѣдей. На ряду съ сочиненіемъ Бранта общественное вниманіе занимаетъ теперь, „*Reineke Fuchs*“, глубокая и злая сатира на не менѣе глубока и гибельныя общественныя язвы.

Въ XVI ст. господствуетъ опять новый родъ литературы, именно сказка и шутка съ сатирическимъ характеромъ; главными представителями этого направленія были *Гансъ Саксъ* (1494—1576) и *Юаннъ Фишартъ* (род. 1550 г.).

Новое время сдѣлало снова попытку создать новый эпосъ, однако матеріаловъ, подобныхъ средневѣковымъ, не было въ наличности, и попытка осталась безплодной. Сюда принадлежатъ: Мессіада Клопштока, Сидъ Гердера, Оберонъ Виланда, Луиза Фосса, Германъ и Доротеа Гёте, Цецилія Шульца, Донатоа Вонненберга, Тунизіасъ Пиркера. Безуспѣшность этихъ великихъ усилій показала, что періодъ эпоса миновалъ: тѣсно связанный съ бытомъ, съ культурнымъ состояніемъ общества, съ извѣстнымъ психическимъ развитіемъ массы, съ опредѣленнымъ міросозерцаніемъ поэта эпосъ въ смыслѣ классическомъ и средневѣвовомъ не повторяемъ: его мѣсто занялъ романъ ¹⁾.

¹⁾ *H. Kurz*, Geschichte d. deutschen Literatur, 4 vol. Leipzig 1864—1872.
